

Леонид Андронов

Камень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69288274

ISBN 9785006010451

Аннотация

После контузии, полученной в Африке, Эдам Шерл – военный журналист и человек твёрдых моральных принципов – возвращается в Лондон, где узнаёт, что потерял работу и девушку. Чтобы не оказаться на улице, он вынужден принять предложение своего деда, владельца известного ювелирного бренда, начать поиски похищенной накануне фамильной реликвии. С самого начала это частное расследование сопровождается чередой странных смертей. Все нити ведут в Россию, откуда когда-то приехали предки Эдама.

Содержание

Пролог	5
Глава нулевая	11
Глава первая	26
Глава вторая	97
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Камень

Леонид Андронов

Иллюстратор Леонид Андронов

Дизайнер обложки Денис Петровых

Редактор, корректор Наталья Кайгородова

© Леонид Андронов, 2023

© Леонид Андронов, иллюстрации, 2023

© Денис Петровых, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-1045-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Стон. Вздох. Крик. Стук.

Что? Что такое?

Если дверь в незнакомую тёмную комнату вдруг оказалась приоткрытой, не стоит в неё заглядывать, не так ли? Ведь никогда не угадаешь, что увидишь внутри. Вот почему большинство предпочитает этого не делать.

Знание – штука опасная.

Шёпот. Скрип.

Кто это?

Что, если, заглянув в щёлку, за дверью ты обнаружишь себя? Посмотришь в свои расширенные от ужаса глаза и отпрянешь.

Затаишь дыхание. Снова взглядишься в них. И...

И то, что ты увидишь в их глубинах, тебе точно не понравится.

Что? Страшно?

Конечно!

Увидеть свою истинную суть. Что может быть страшнее? Осознание того, какой вселенский мрак скрывается в тебе, способно свести с ума. И помни, что, заглянув однажды в темноту, ступив за порог, остановиться уже не получится.

И кто предупредит, кто поможет, если рядом никого нет?

«Почему?» – спросишь ты.

Нет, и всё тут! Никого, кроме тебя, здесь нет. Уясни это. В битве с самим собой союзников быть не может.

И так было всегда. Во все времена. Ты одинок. Как и каждый из нас. Кто бы ни был рядом с нами, кто бы ни убеждал нас в своей верности и любви, рано или поздно уходит. Внезапно или постепенно. Иллюзии слетают луковой шелухой, и мы ясно понимаем, что всегда были и остаёмся одиночками. Мы сами по себе. На протяжении всей жизни. Один на один с большим и непонятным миром. Для большинства из нас миром враждебным. Каково, а?

То-то же.

В общем, не надо. Не стоит. Не лезь.

По своей воле не лезь. Живи, как жил.

Спокойно.

Другое дело, если тебе приходится идти туда, куда ты совсем не собирался. Тебе хочется остаться там, где хорошо и привычно, но у судьбы иные планы.

Судьба. Да...

Судьба, которую ты не выбирал.

«Ну как же! – скажешь ты. – Ведь я хозяин своей судьбы!»

И сделаешь ещё один шаг к приоткрытой двери.

О да! Тебя же этому учили.

Ты действительно думаешь, что стоишь у штурвала своей жизни, уверенно направляя её в нужное тебе русло. Верно?

Может ли так думать капитан корабля, несущегося в ревущем потоке безумной реки? Нет, он не глупец, он понимает.

А вот понимаешь ли ты? Ведь у тебя ни корабля, ни штурвала – ты барахтаешься в потоке, в котором скорее захлебнёшься, чем повернёшь туда, куда хочешь. Движение потока тем более от тебя не зависит. И вот она, испепеляющая правда! От тебя не зависит ничего.

Очнись! Что же ты делаешь в тёмной комнате?

Признай, что понятия не имеешь, как попал сюда.

Кто дёргал за ниточки, направляя тебя туда, куда не надо лезть? Нога сама подавалась вперёд, и ты ступал в непроглядную тьму. А назад дороги нет и не будет.

Мурашки пробегают по спине, как ядовитые сороконожки.

Я рад, что ты начинаешь осознавать главное. Стоит задаться этим вопросом – и вот уже бездна засасывает тебя.

Ты смотришь на свои взмокшие ладони. Линии на левой руке говорят о том, что тебе предначертано. А на правой – о том, что будет. Рисунки совершенно разные. Вот оно, доказательство, что можно изменить уготованное судьбой. Что выбор у тебя есть.

Так идти или не идти?

Не можешь решить?

Если ты уже в тёмной комнате, это и неважно.

«Но как я оказался здесь?»

Не знаешь?.. Не осознаёшь, не понимаешь...

Так получилось, да? Очнулся – и уже здесь.

Было ли суждено тебе оказаться в этом месте? Несомнен-

но. Многое в жизни предрешено. Причём ещё до твоего рождения.

Теперь ты слушаешь, верно?

Правда в том, что ты в заложниках у предыдущих поколений, хотя и ведать не ведаешь. И *твой* выбор – не твой, он так или иначе предопределён.

Это невидимые ниточки, те самые, что управляли тобой, как марионеткой, привели тебя сюда. А откуда они взялись? Я скажу тебе. Они тянутся из далёкого прошлого.

Накуролесившие предки – твои ненаглядные родители, бабушки и дедушки – тоже когда-то делали то, что не следовало. Совершали ошибки, вольно или невольно. Крали, прелюбодействовали, избивали, угнетали, насиловали. Убивали, наконец. Осознанно или неосознанно, неважно. Потом жили с этим и умирали, оставляя груз нерешённых проблем своим потомкам.

Например, тебе.

Души твоих предков мерцают во тьме времён, как звёзды, а переплетения их судеб образуют созвездия, раскидывая сеть из невидимых связей. И пусть эти нити незримы, они мощные, толстые, как канаты, и стягивают, как жгуты. И несколько из них тянется к тебе. Ты рождён уже пойманным этой сетью.

Доводилось ли тебе вскакивать ночью от ужаса, совершенно не соображая, что случилось? Бывало, да?

Это они, опутывающие тебя нити, напомнили о себе – дёр-

нулись, натянулись.

А помнишь моменты, когда ты совершал нечто такое, что нормальный человек не сделал бы никогда? И ты сам ни за что не стал бы так поступать. Но поступил. Как так? Да вот так. Потому что иногда тебя ведут, как куклу, и ты делаешь то, что делаешь. Ты не можешь этого объяснить, и, возможно, потом тебе даже стыдно за содеянное.

Хотя выбор всегда за тобой. Нелепо звучит, правда?

И вот тебе уже хочется закричать.

Как же можно что-то изменить, если почти все твои шаги predetermined с самого начала?

Вопрос из вопросов.

«Значит, я бессилён перед судьбой! – воскликнешь ты. – А как же воля?! Зачем же жить тогда?! Если я опутан сетями, если я марионетка! Где здесь я? Я не хочу, как щепка, носиться в мутном потоке! Как мне всё изменить?»

Что ж. Мне нравится твоё непокорство. Не ты первый задался этим вопросом. Но мало кто нашёл ответ на него. А ещё меньше тех, кто смог разрубить путы судьбы и развернуть бурлящий поток в нужную ему сторону.

Так что... это возможно. Хотя невероятно трудно.

Адам смог. Не тот Адам, который был первым в роду. Адам, чью историю я собираюсь рассказать тебе, – последний из своего рода. Знаменитого рода. Рода, оставившего ему такое наследство, что врагу не пожелаешь.

Кстати, поскольку по-английски имя моего героя звучит

как «Эдам», я так и буду его называть.

Эдам Шерл. Так его зовут.

Глава нулевая

1

Южный Судан. Бангио

2019 год, февраль

Утренний воздух благоухал ароматами пробуждающейся жизни. Кричали петухи. На улицах скучали вооружённые патрули. День не успел ещё начаться, а солдаты правительственных войск уже еле двигались, будто автоматы на их плечах весили с тонну и бойцы не спали всю ночь. Хотя спали они и эту ночь, и предыдущую, и весь прошедший месяц. Потому что давно уже не стреляли и жизнь потихоньку устанивалась.

Да и слава богу!

У обочин бродили измождённые собаки, вынюхивая чем бы поживиться среди городского хлама. Между невысоких хижин, построенных из невесть чего, носились со смехом дети. Женщины шли по своим делам, неся на головах наполненные пластиковые канистры. Вдалеке прогремывал грузовик с голубой цистерной, развозивший питьевую воду по городу. Серый дым от тлеющих холмов мусора, сварленного у криво сложенных заборов, медленно полз вверх. Со свежего баннера миссии ООН в Южном Судане улыба-

лись счастливые женщины, открытые новой жизни, без этнических чисток и массовых изнасилований.

Было спокойно. Очень спокойно. Однако чувствовалось, что спокойствие это зыбкое и может разрушиться в любой момент.

На краю городского квартала, где заканчивалась мало-мальски ровная дорога и начинались ухабы, ведущие в сторону лагеря беженцев, возвышалось двухэтажное здание отеля с одной куцей пальмой, прижавшейся к облезлой стене.

Отель стоял здесь с семидесятых годов прошлого века. Он чудом пережил несколько гражданских войн. Грязно-розовая штукатурка местами осыпалась, бесстыдно обнажив безобразную кладку. Стены невысокого заборчика прогрызли трещины, чередующиеся с небрежно замазанными отверстиями от пуль крупнокалиберных пулемётов.

Облака временами расползались, и солнце лениво освещало белоснежные телевизионные тарелки на крыше и покосившиеся проржавевшие кондиционеры под окнами.

Дверь балкона на втором этаже была раскрыта, выцветшая бледно-жёлтая занавеска слабо трепыхалась от редких порывов ветра.

Посередине просторной комнаты с деревянным полом и пустыми стенами, такими же облупленными, как и снаружи, стоял большой квадратный стол. Он был завален скомканными листами, вырванными из блокнота, распластавше-

гося тут же, среди сора и грязной посуды. Его страницы были исписаны неровным, нервным почерком. Почти каждая строчка с силой перечёркнута, иная не по разу. На металлической ручке, брошенной в сердцах и откатившейся к недопитой бутылке виски, потирала лапки жирная муха. Рядом – походные шахматы с неоконченной партией, сотовый телефон, огрызок карандаша. Крохотная тарелочка с горкой фисташек, тяжёлые стаканы с янтарной жидкостью на дне. Хлебные крошки, скорлупа от орехов...

Слева от полуоткрытой входной двери у стены темнела старая железная кровать. Возле неё – массивная тумбочка с дисковым телефоном и погнутой настольной лампой. На мягкой постели спал мужчина в лёгкой походной одежде, небритый и заросший.

Звали его Эдам Шерл. Ему было сорок три года.

Правой рукой он прикрывал глаза. Пальцы левой судорожно сжимали собранную в кулак простыню. Русые волосы слиплись от пота. Сон Эдама был беспокоен.

Протяжный крик птицы заставил его вздрогнуть. Искры от костра стайкой взвились в чёрное небо, а по земле пробежала едва заметная дрожь. Сизый дым окутывал огонь, собираясь над непокорным пламенем в причудливые узоры. Палки в костре потрескивали. Под рубашку пробирался холодок.

Он услышал чей-то шёпот.

Оглянулся. Позади никого. Повернулся к костру. Клубы дыма разошлись, открывая слепящее глаза пламя. Огонь унялся, как будто кто-то его приструнил, красно-оранжевые языки смиренно заскользили по углям, не смея вздыматься в черноту ночи.

По ту сторону костра он различил невысокого щуплого старичка из племени динка в рваной тёмно-синей накидке, завязанной на плече. Безволосая голова незнакомца была вытянута, лоб изрезан ритуальными шрамами. Тело его с головы до ног было покрыто пеплом, словно пудрой, отчего тёмная кожа казалась серой.

Старик что-то бормотал на своём наречии, обращаясь к Эдаму. Голос его размазывался в треске костра и тонул в темноте.

Рядом со стариком сидел двенадцатилетний мальчик – Куол, сын хозяина гостиницы, где жил Эдам. Мальчик вытянул худые ноги к костру, наблюдая, как языки пламени лизжут резиновые подошвы сланцев. В отличие от старика Куол был одет по-европейски.

Вдалеке раздался вопль какого-то ночного животного. Куол повернулся к Эдаму.

– Мабок говорит, ты хороший человек. Несчастный, но хороший.

Эдам усмехнулся и уставился на костёр. В руках он обнаружил плоскую металлическую фляжку и поспешил опрокинуть внутрь глоток горячительного напитка. Но вместо

виски в горло хлынул дым. Эдам закашлялся. Слёзы брызнули из глаз.

– Мабок говорит, что вся твоя семья проклята.

Дым опьянил его. Он засмеялся и снова поднёс фляжку ко рту. Его смех, словно птичий возглас, полетел к звёздам. Тело размякло.

– Мабок колдун. Святой человек. Он не будет обманывать.

Эдам помотал головой, не в силах сдерживать смех.

– Мабок хочет помочь. Он снимет проклятье.

Смех колот рёбра. Эдам согнулся пополам и, содрогаюсь от хохота, стал заваливаться набок. Старик поднялся и напряжённо забормotal, потрясая над костром тощей рукой. Голова Эдама налилась тяжестью. Он смотрел на колдуна сквозь пелену дыма.

Вдруг ночь пронзил оглушительный телефонный звонок. От его звука задрожала земля. Птицы загалдели от ужаса.

Куол наклонил голову:

– Не хочешь?

Саванна вновь вздрогнула от телефонной трели. Мабок, оказавшийся вдруг рядом, наклонился к Эдаму, давившемуся от смеха. Куол раскрыл пухлые губы:

– Не хочешь?

Очередной звонок заглушил его голос.

Телефон не унимался. Эдам зажмурился во сне, слов-

но от боли. Брови сомкнулись, образуя глубокую складку. На лбу проступили капли пота. Но сон не думал отпускать его. Телефон зазвонил снова. И снова. На этот раз его трель казалась бесконечно длинной. Эдам вздрогнул и проснулся.

Он открыл глаза и попытался сообразить, где находится. Взгляд медленно сфокусировался на потолке, засиженном мухами. Звонок. Он с трудом повернул голову и некоторое время недоумённо смотрел на телефонный аппарат. Наконец вернулся к реальности, приподнялся на локте и взял трубку.

– Да? – вслушался. – Да, я.

В трубке кто-то торопливо говорил. Эдам нахмурился.

– Почему я?

Он сел на кровати, с силой растёр лицо, продолжая слушать. Постепенно до него стал доходить смысл доносящихся из трубки слов.

Он прочистил горло и хрипло произнёс:

– Ясно. Хорошо. Конечно.

2

После таких новостей без виски было не обойтись. Эдам застыл со стаканом в руке над столом, уперев взгляд на доску с неоконченной шахматной партией. В голове роились мысли. Нужно было торопиться, но он предпочитал всё обдумать, прежде чем действовать.

Он сделал ход чёрными, перевернул доску, недовольно

цокнул языком и сделал ход белыми. Мат. Щелчком пальца Эдам опрокинул короля чёрных и посмотрел в окно. Сдвинул брови сильнее.

В этот момент в его номер заглянула Линда Ленц, глава корпункта в столичной Джубе, его непосредственный начальник.

– Эдам? Дверь не закрыта... О!

Увидев его со стаканом в руке, она тут же насупилась.

– Ты же на ногах не стоишь! Как ты можешь пить, когда происходит такое?!

На должность Линду назначили недавно, и она всеми силами старалась установить свой авторитет в филиале. Особенно перед Эдамом. Ей было тридцать шесть, она явно комплексовала из-за того, что моложе его и имеет меньше опыта, оттого порой становилась просто невыносима. А уж когда она видела его выпивающим, вообще выходила из себя. И объяснять ей, что они в Африке, а не в лондонском офисе, было бесполезно.

Эдам постарался не обращать на неё внимания и начал собираться. Положил в сумку заплётённый фотоаппарат, диктофон.

– Ты меня слышишь? – Линда повысила голос.

Вопрос был таким же бессмысленным, как и первый, и Эдам снова промолчал. Это взбесило Линду ещё больше. Застыв у порога, она наблюдала за сборами Эдама с выражением гнева и презрения.

Он ощупал карманы, посмотрел по сторонам. Полез в тумбочку, нашёл в выдвижном ящике коробочку с картами памяти и бросил её в сумку. Вернулся к столу, налил вторую дозу живительного напитка.

– Ты позор нашего издания, Эдам!..

– Здорово, Линда! – прервал готовящуюся тираду низкий голос.

В дверном проёме появился Олег Горячев, русский журналист, живший в Бантио уже третий год. Он не спеша прошёл мимо начальницы Эдама, будто в собственный номер, окинул взглядом стол и взял с него телефон.

– А я думаю, где он, – Олег криво усмехнулся и посмотрел на Эдама.

Говорил он по-английски сносно, но с сильным русским акцентом, что, однако, лишь добавляло ему шарма. Он был ниже Эдама, но гораздо шире в плечах и плотнее. Бурная растительность на его теле вызывала восторг местных жителей: взрослые разглядывали его с нескрываемым любопытством, а дети часто подбегали и, смеясь, трогали его мощные волосатые руки. Когда же он отращивал бороду, то вообще становился похожим на медведя.

Линда его на дух не переносила, он её тоже не жаловал. За те три недели, что они соседствовали в отеле, Олег не упускал случая подшутить над её веганством или зелёными волосами, а иногда проходил и по её профессионализму. Она старалась игнорировать его нападки, но выдержки

не всегда хватало.

Однажды они откровенно послали друг друга куда подальше. Линда не выносила шуток над лицами нетрадиционной ориентации и чуть не набросилась на Олега с кулаками, когда он пустил очередную шпильку в её адрес.

Тот будто только этого и ждал. Он обозвал её весьма нетолерантными словечками, что привело Линду в ещё большую ярость, и Эдаму буквально пришлось их разнимать.

Именно после этого случая между Олегом и Линдой началась холодная война. Но поскольку она была не дома, а русский журналист не был её подчинённым, сделать Линда ничего не могла. Зато нередко отыгрывалась на Эдаме, к которому и без того испытывала неприязнь. Олег не был другом Эдаму, но он хотя бы немного играл в шахматы, любил выпить, и с ним можно было подискутировать на темы, которые нынче не принято обсуждать в обществе. Они познакомились пять лет назад в Белизе, потом пересеклись в Сальвадоре, а сошлись здесь, в Южном Судане.

У Олега всегда и везде находились знакомые. Причём как среди политиков и крупных предпринимателей, так и среди владельцев крохотных гостиниц и баров в самых захолустных местах планеты, преступников и контрабандистов и даже главарей банд и террористических организаций.

Эдам столько раз наблюдал, с какой радостью они его встречают, что это наводило на мысль, что его русский знакомый занимается чем-то ещё помимо журналистики.

Кстати, на какое издание работает, Олег никогда не говорил. И ни одной его статьи Эдам не видел. Хотя русскоязычных публикаций ему читать и не приходилось – языком он не владел.

– Новое интервью? – Олег вылил остатки виски во второй стакан.

После приветствия он перестал замечать Линду. Та, в свою очередь, даже не поздоровалась с ним и продолжила костерить Эдама.

– Я больше не собираюсь покрывать тебя. Они захватили школу! Людям угрожает опасность!

Бросив на неё короткий взгляд, Эдам потянулся за сумкой, но передумал. Решив не брать её, достал из сумки паспорт, засунул его в нагрудный карман холщовой куртки, диктофон переложил в карман брюк.

Олег отпил из стакана и глянул на обоих.

– Кто там опять? Наш неугомонный полковник? Дэниел Куку? – он специально сделал ударение на последний слог, усмехаясь про себя совпадению в названии сумасшедшего в двух разных языках¹.

Эдам едва заметно кивнул.

– Как можно ехать туда в таком состоянии? Ты же там всё испортишь! – не унималась Линда.

Эдам коротко посмотрел на Олега.

¹ В английском языке *cooco* означает «сумасшедший», «чокнутый», что созвучно русскому «ку-ку» с тем же значением (здесь и далее прим. ред.).

– Я ж не виноват, что полковник знает меня лично. С другими он отказывается говорить.

Олег поскрёб щёку и спросил:

– Ты уверен?

– А дети?

Они обменялись взглядами. Подчинившийся правительству последним полковник Куку отличался буйным нравом. Олег многозначительно указал глазами на бронезилет, висящий на спинке стула. Эдам кивнул, взял жилет и вышел из комнаты. Линда поспешила за ним.

3

Допотопное здание школы было окружено правительственными войсками. Два бронетранспортёра и несколько бронированных джипов военные поставили боком. За ними прятались бойцы в красных беретах, наставившие автоматы в сторону школы и громко переругивающиеся друг с другом.

Большинство местных вояк, хоть и имели опыт боевых действий, ещё совсем недавно были участниками военизированных банд и армий мятежников, всего несколько месяцев назад прекративших столкновения друг с другом. В отличие от солдат ООН, невозмутимых китайцев или норвежцев, охранявших лагеря беженцев, местные не отличались дисциплиной и опыта освобождения заложников не имели, поэтому заметно нервничали.

Эдам выпрыгнул из запылённого микроавтобуса, который послали за ним, и быстрым шагом направился к зданию школы, где всего неделю назад делал серию интервью с детьми. Навстречу ему, придерживая фуражку, бежал офицер.

– Мистер Шерл? – у офицера был очень сильный акцент.

– Он внутри? – спросил Эдам, не сбавляя скорости.

– Стойте! Он уже не хочет! Полковник очень странный.

Всё странно.

Эдаму некогда было разбираться.

– Полковник! – закричал он, обходя бронетранспортёры.

Солдаты проводили его удивлёнными взглядами. Он шёл быстро, с высоко поднятой головой, зная, что ему ничего не угрожает.

– Мы привели его! – закричал офицер в сторону школы.

Он было побежал за Эдамом, но понял, что это рискованно, и вернулся назад.

Эдам миновал низкий забор и подошёл к входной двери.

Из-за неё раздался испуганный голос:

– Уберите его! С ним злые духи!

Эдам подошёл вплотную и закричал так, чтобы его было слышно:

– Полковник! Это Эдам! Эдам Шерл! Вы хотели меня видеть.

Человек за дверью торопливо отбежал, чтобы не подвергать себя воздействию духов, которых белый человек привёл

с собой. Эдам выругался про себя. Что на них нашло? Никогда прежде у него не было проблем с местными. Он различил сдавленные мужские рыдания и всхлипы, доносящиеся изнутри.

– Полковник! – крикнул он громче.

– Что ты наделал? Зачем ты пришёл к нам? Зачем вы все приезжаете сюда? – раздалось в ответ. – Что мы вам сделали?

Эдам стал стучать в дверь.

– Откройте! Я хочу помочь!

– Это всё ты! Всё из-за тебя! Убирайся!

– Послушайте!

– Забирай своих духов с собой!

Эдам дёрнул ручку. Дверь открылась. Он на секунду замер, но тут же стряхнул накатившую волну сомнений и шагнул внутрь.

Слоистый лиловый дым заполнял помещение. Косые лучи солнца пробивались сквозь прорехи в соломенной крыше. Дым разьедал глаза. Эдам прищурился.

Впереди качнулась фигура стоящего человека.

– Нет! – это был голос полковника Куку.

Он увидел Эдама и выстрелил в его сторону. Ещё раз! Над головой пролетели пули. Эдам бросился на пол, закрыв голову руками. В ответ снаружи застрекотали автоматы. Пули прошили тонкие стены. Раздались крики офицеров. Но было уже поздно. Автоматные очереди не умолкали. Загудели бронетранспортёры. Начался штурм.

Эдам приподнял голову и вдруг обнаружил, что весь пол устелен детскими телами.

– Господи! – прошептал он и закричал что есть силы: – Стойте!

Но его уже никто не слышал.

Посередине комнаты среди трупов ходил обезумевший полковник с пистолетом в правой руке и мёртвым ребёнком, перекинутым через левую.

Он бормотал, сглатывая слёзы:

– Зачем ты приехал? Зачем я приглашал тебя в свой дом?

– Полковник! Послушайте меня!

Куку его не слышал. Эдам решил подняться. В ту же секунду раздался взрыв. Полковника отбросило к стене. Солдаты начали беспорядочную стрельбу. Повстанцы стреляли в ответ. Снова взрыв. Фанерные стены мгновенно загорелись. Сизый дым смешался с чёрными едкими клубами. Эдам прикрыл рот рукой.

Стон. Он повернул голову. Ребёнок вблизи него шевелил пальцами. Глаза мальчика были закрыты. Эдам схватил его и побежал на улицу.

Снаружи – галдёж и неразбериха. Клубы дыма заволакивали всё вокруг. Солдаты испуганно перекрикивались и, казалось, стреляли, сами не зная куда. В него тоже стреляли. Но он не останавливался. Только пригнулся и побежал дальше.

Облако дыма расступилось, и он резко остановился, чуть

не наткнувшись на движущийся к зданию пикап с вооружёнными людьми в бронежилетах. Ребёнок перестал шевелиться. Эдам встряхнул его, пытаясь привести мальчика в сознание. Из пикапа выскочили мужчины, большинство славянской наружности.

– Эдам!

Он поднял голову и увидел среди них Олега.

Со стороны школы вновь прогремела автоматная очередь.

Русские начали стрелять в ответ.

Олег подбежал к нему.

– Давай его сюда!

Он забрал ребёнка из рук Эдама и понёс к машине.

Эдам помог положить мальчика на заднее сиденье и в отчаянии выдохнул:

– Они всех убили!

– А я тебе что говорил?

Эдам не ответил. Он кинулся обратно.

– Куда?! – закричал Олег.

Взрыв!

Эдама отбросило назад.

В ушах раздался оглушительный свист.

Глава первая

1

Лондон

Три месяца спустя

Свист в ушах не утихал.

Эдам, с перевязанной рукой, стоял у карусели выдачи багажа и смотрел в одну точку. Все прибывшие пассажиры давно ушли. Только его раздолбанный в бесконечных поездках чемодан одиноко крутился на ленте. Когда он поравнялся с Эдамом, лента остановилась.

Эдам посмотрел на багаж, но не сдвинулся с места.

Месяцы после взрыва сохранились в виде обрывков воспоминаний. Как в тумане, всплывали пролетающие над ним плафоны больничного коридора. Голоса Олега и врачей. Мольбы его русского коллеги, просьбы, угрозы и шантаж. Люди в бронежилетах, везущие его в вертолёте. Ещё один госпиталь. Уставшее лицо врача. Погнутые жалюзи в палате. Нежные пальцы медсестры, меняющей повязку.

Раны, покрывавшие его лицо, почти затянулись, но оставшиеся рубцы ещё розовели на щеках и висках. Он шурился от головной боли, к которой никак не мог привыкнуть. Да и как к этому можно привыкнуть! Эдам сунул руку в карман,

достал баночку с обезболивающим, закинул в рот одну таблетку. Взял чемодан и побрёл к выходу.

Навстречу ему работник аэропорта катил тележку с ведрами и чистящими средствами. Он улыбнулся Эдаму белой зубой улыбкой, осветившей смуглое лицо.

– Вэльком хом, сэр!

Эдам прошёл мимо, никак не отреагировав. Уборщик оглянулся, проводил его удивлённым взглядом и, пожав плечами, покатил дальше.

Эдам вышел из здания аэропорта, вдохнул влажный лондонский воздух, показавшийся ему особенно промозглым после горячего африканского эфира, и поёжился. Остаться дома надолго он не любил.

Лондон был слишком шумным и суетливым. Все эти спешащие по делам люди, машины, вездесущие туристы, уличные музыканты, голуби, воркующие на фонарях, реклама, музыка из пабов раздражали Эдама. Старинная архитектура давно приелась, современная вообще никогда не нравилась.

Расцветающие деревья и цветы на клумбах он не замечал. Никакой красоты для него здесь не было. Он даже не задумывался, что уже наступила весна. Он ехал в автобусе, глядя в одну точку, и никак не мог избавиться от шума в ушах и свербящей пустоты в груди, которая за эти три месяца расползлась, словно дыра, прорастая в душу метастазами депрессии и отчаяния.

Ему нестерпимо хотелось выпить.

В кабинете врача ему предложили воду. Он отказался. Быстрее бы домой, закрыться от всего мира, опрокинуть внутрь исцеляющей жидкости, лечь и не двигаться. Забыться.

Хотя бы на время.

Доктор Питерсен посмотрел на томографические снимки Эдама.

– У вас была довольно сильная контузия, – проговорил он сочувственно. – Головные боли не ослабевают?

– Голова будто взрывается. Особенно ночью.

– Рвота?

– Что, простите?

– Слышать стали хуже, верно? – доктор бросил на Эдама внимательный взгляд и продолжил громче: – Я говорю, что рвота будет периодически повторяться. Возможны обмороки.

Эдам pokrивил рот.

– Слава богу, они не так часты. Но голова просто раскалывается. И не сплю почти.

Питерсен понимающе кивнул.

– Скажите, когда это пройдет? – спросил Эдам с надеждой.

Доктор отложил снимки в сторону и подошел к нему.

– Боюсь, что это надолго, Эдам, – сказал он серьезно. – Ушиб мозга был очень сильным. Будем надеяться, со временем вам станет легче. Но совсем избавиться от этого, к сожа-

лению, не получится. Вам придётся мириться с последствиями всю жизнь.

– Всю жизнь?

– А сейчас старайтесь не нервничать, побольше спите. Обязательно принимайте лекарства. И пожалуйста, никакого алкоголя.

Эдам отвёл взгляд.

– Хорошо? – врач настойчиво посмотрел ему в глаза.

– Да.

2

За окнами комнаты переговоров высились небоскрёбы. Сити Эдам особенно не любил. Он казался ему холодным, бездушным местом, наполняющимся притворной жизнью в дневное время и напрочь вымирающим ночью.

Стекло, бетон и металл.

Вот где пустыня! Мёртвый вакуум!

У полуголодных племён Южного Судана, да хоть у тех же динка, одетых в изодранные тряпки и пьющих кровь коров, собранную из вспоротых вен на шеях животных, жизнь гораздо полноценней и осмысленней, чем у любого из работников лондонского сити в костюме за тысячу или даже две фунтов.

Люди, напротив которых он сидел сейчас, казались ему не менее бесчувственными, хотя двоих он знал довольно дав-

но. Однако теплоты между ними никогда не было.

Редактор Филлип Коллинз, с которым он редко ладил, его заместитель Джулия Лэндон, карьеристка, каких поискать, и молодцеватый, холёный мужчина с залысинами. Доминик Аптон – так, кажется. Его Эдам никогда прежде не видел. Но тот ему сразу не понравился. Как, впрочем, и Эдам Аптону.

Головная боль усилилась. Эдам периодически прикрывал глаза, стараясь справиться с её приступами, не подавая вида, что ему плохо. Было трудно сосредоточиться. Ещё сложнее было говорить.

Коллинз не спеша прохаживался вдоль огромного окна.

– Ваш непосредственный начальник утверждает, что ваше безрассудное поведение привело к гибели более чем тридцати заложников, – он глянул на Эдама.

– Двадцать пять из которых – дети, – добавила Джулия.

Эдам собрался с силами.

– Я уже говорил, что когда я вошёл в здание, большинство из них уже были мертвы. У полковника не выдержали нервы. Или... Честно говоря, я не знаю, как это объяснить.

В разговор вступил Аптон.

– Да, кстати. А что это за странная дружба с главой террористов?

Эдам посмотрел на него.

– Он мне не друг.

– Но ведь он же потребовал на переговоры именно вас, –

Коллинз склонил голову набок.

Эдам постарался ответить как можно спокойнее.

– Я брал у него большое интервью полгода назад. Видимо, произвёл впечатление.

Джулия хмыкнула.

– Именно поэтому вы были у него в гостях много раз после этого? – она упёрла в него колючий взгляд. – И совсем не для интервью.

Редактор положил перед ним пачку фотографий и, словно крупье, растянул их в неровный ряд. Эдам бросил взгляд на жизнерадостные лица детей, которых он фотографировал незадолго до ужасных событий. Многих он знал по имени. Ком подкатил к горлу, но он сдержал эмоции. На других снимках был он сам. С представителями различных организаций, полезными знакомыми, коллегами. На нескольких – он и полковник Куку во время неофициальных встреч. Оба улыбаются и даже смеются.

– Вам было весело, как я погляжу.

Эдам перевёл взгляд на Джулию.

– Разве журналист не должен располагать к себе собеседника? Добиваться его доверия?

Доминик поднял бесцветные брови:

– То есть вы хотите сказать, что пользовались уважением и доверием человека, чьи руки по локоть в крови? Я вас правильно понимаю?

– А вы думаете, те, с кем он воевал, ангелы? – Эдам по-

смотрел на Коллинза, мнение Аптона его мало волновало.

Тот отвёл взгляд. Эдам почувствовал, что может перехватить инициативу, и продолжил:

– В чём конкретно моя вина? Что я пытался помочь спасти детей?

Джулия подалась вперёд.

– Линда мне сказала также, что вы постоянно контактировали с русскими. Причина?

Кровь прилила к лицу Эдама.

– Я не понимаю вопроса.

– Вы всё прекрасно понимаете, – её холёный коллега сложил пальцы. – А мы вот – нет.

Эдам стиснул зубы.

– Я не знал, что должен отчитываться, с кем и когда общаюсь. Между прочим, они спасли меня и того мальчика тогда.

– М-да, – Джулия прижала уголок одного из снимков средним пальцем и придвинула к себе. Это было совместное фото Эдама и Олега.

Эдам перешёл в наступление.

– Вы прекрасно знаете, что у меня русские корни. Вы хотите ущемить меня по национальному признаку?

Аптон аж побелел от негодования. Коллинз сделал шаг вперёд.

– Эдам, признайтесь. У вас есть проблемы с алкоголем?

Эдам бросил на начальника тяжёлый взгляд.

– У меня с алкоголем никаких проблем нет, – отчеканил

он. – У нас превосходные отношения.

– Ясно, – сказал Коллинз после недолгого молчания. – Эдам, думаю, я выражу общее мнение. Мы уважаем вас как специалиста, но, к сожалению, мы не можем больше продолжать сотрудничество с вами.

– То есть вы меня увольняете?

Коллинз тонко улыбнулся.

– Я бы не стал называть это увольнением. Особенно если учесть, что вы работаете с нами по контракту. Однако совершенно очевидно, что у нас диаметрально противоположные взгляды на журналистику.

– Вот как?

– Да.

Очередной приступ головной боли чуть не сбросил Эдама со стула. Он зажмурился и спросил:

– Это всё?

– Не смеем вас больше задерживать.

3

Вечерело. Такси остановилось у дорогого многоквартирного дома в одной из самых зелёных частей Кенсингтона. Здесь было тихо и очень уютно. В таких районах и должно быть тихо и уютно, чтобы не тревожить драгоценных арендаторов, выкладывающих за жильё по шесть – восемь тысяч фунтов в месяц. А кто и больше.

Эдам расплатился с таксистом, закинул сумку на плечо и покатил чемодан ко входу.

– О, мистер Шерл, давно вас не было видно, – улыбнулся ему портье, когда он зашёл внутрь.

– Здравствуй, Раджив! – Эдам направился к лифту.

Портье хотел сказать что-то ещё, но не решился и, кашлянув, вернулся к своим делам.

В лифте Эдама начало мутить. Он схватился за поручень и прижался лбом к прохладной глади зеркала. Стало немного легче.

Мягко звякнул колокольчик. Двери раскрылись, и он вышел в коридор, устланный тёмно-синим ковровым покрытием с золотой вышивкой по краям. Побрёл в конец коридора, остановился у двери, достал из кармана куртки ключ и попытался вставить его в замочную скважину.

Сразу не получилось. Руки тряслись. Он перевёл дух и попробовал снова. Ноги подкашивались, но он собрал волю в кулак и, наконец, сумел вставить ключ в скважину. А вот повернуть его не получилось. Эдам негромко выругался и попытался вставить его снова. Промучившись с минуту, он сдался и нажал на дверной звонок.

Почти сразу ему открыла Кларисса.

– Я без телефона, прости, – он устало посмотрел на неё.

Длинное чёрное платье облегалo стройное тело. Бриллиантовое кольцо спускалось к груди, приподнятой бра. Густые чёрные волосы, собранные в аккуратный узел, открывали

тонкую шею и уши, в которых искрились серьги.

Он вдруг всё понял.

Кларисса равнодушно посмотрела на его перебинтованную руку.

– Я собрала твои вещи, – она пододвинула ногой полузакрытую сумку с кое-как напиханной внутрь одеждой.

За её спиной раздался мужской голос:

– Дорогая, кто там?

– Никто.

– Ты уже готова?

– Минутку.

Она повернулась к Эдаму и выжидающе посмотрела на него.

– А мои книги? – спросил он.

Вместо ответа она протянула руку. Он посмотрел на крохотную ладошку и положил в неё свой ключ. Кларисса тут же захлопнула дверь.

Эдам постоял несколько секунд, подтянул сумку к себе, с трудом закинул её на плечо и пошёл к лифту.

Чтобы снять отель, даже далеко от центра, пришлось помучиться. Его телефон не пережил взрыва, пришлось покупать новый. Денег было в обрез, и он взял самый дешёвый смартфон. Какое-то время разбирался с ним, потом целый час провёл в интернете, пытаясь найти в запруженном туристами городе номер. Никак не получалось привязать карту, чтобы забронировать отель. Когда же он со всем разобрался,

подкралась ночь.

Эдам побрёл к метро.

До гостиницы добрался уже за полночь, совсем обессиленный и злой на себя из-за своего состояния.

Номер был на удивление сносным, но очень маленьким. Эдам быстро разделся и, не умываясь, бросился на постель. Тем не менее заснуть сразу не получилось. Голова раскалывалась, а мысли о том, что делать дальше, сдавливали тисками и не давали расслабиться.

Он ворочался с бока на бок. Вставал, умывался, снова ложился. Опять вставал, пил обезболивающее, полз на кровать и лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Поднимался снова. Ходил из угла в угол, сжимал кулаки, чтобы не заорать от боли. Потом его рвало, он снова пил таблетки. Корил себя, что не купил бутылку виски. С ним было бы хоть немного легче. Садился за крохотный столик и писал список дел на завтра. Кому позвонить, кого увидеть.

Затем долго разматывал бинты на раненой руке, осматривал швы. Заживление шло дольше, чем он ожидал. Он забинтовал руку снова и попробовал подвигать ею.

– Будь ты проклята! – он стиснул зубы от боли и повалился на подушку.

Заснул он только перед рассветом.

4

Наутро он отвёз вещи на небольшой склад, который арендовал в пригороде. Здесь, в полумраке, озаряемом моргающей лампочкой дневного света, Эдам хранил свои нехитрые пожитки – коробки с бумагами, книги, сувениры из разных стран, одежду, старый принтер, который уже давно следовало выбросить, да всё не хватало времени.

Здесь же стояли завернутые в бумагу картины, доставшиеся ему от давно умершей матери. Кое-что из отцовских вещей.

Он поставил сумку, которую забрал из квартиры Клариссы, на пластиковый контейнер, набитый всякой всячиной, и уже собрался уходить, но развернулся и стал рыться в пыльных коробках. Наконец нашёл в одной из них небольшую плоскую фляжку. Сунул её в карман и замер. Его опять начало мутить.

Эдам попытался остановить приступ, но не тут-то было. Он помчался к выходу из здания, кое-как сдерживая себя, выскочил на улицу и подбежал к забору. Выворачивало долго и мучительно. Когда спазмы отступили, он прокашлялся и стал отплёвываться.

Мимо медленно проехала машина. Люди в ней одарили его презрительными взглядами. Он вытер губы. Ему было всё равно. Он стоял, вцепившись пальцами в сетку забора, и переводил дух.

Потом побрёл обратно. Нужно было закрыть склад и ехать в город. Его старый друг, Фредерик Штейн, фоторедактор

в Observer Report, согласился посмотреть снимки из самой молодой страны в мире.

Они расположились в кабинете Фреда. Пока тот разглядывал фотографии, Эдам сидел с непроницаемым лицом, однако нога его нервно дёргалась. Штейн знали как человека мягкого, даже сердечного, что было редкими для его должности качествами. Работы Эдама он ценил, несмотря на то что тот не был профессиональным фотографом, и время от времени их покупал. Сейчас же деньги Эдаму нужны были как никогда.

– Ну, – не вытерпел он.

Штейн поскрёб лоб.

– Неплохо. Впрочем, как всегда. У тебя есть глаз. Я бы не сказал, что это прямо шедевры, но ты очень удачно схватываешь ситуации. Ты знаешь, что мне всегда нравилось, как ты работаешь.

– Отлично!

– Да. Но, к сожалению, взять я их не могу, – Штейн отодвинул снимки от себя.

Эдам нахмурился:

– Почему?

– Ну, во-первых, тематика уже достаточно разработана. Ты знаешь, что Минцкевич и этот... как его... Гросс снимали там же. Причём совсем недавно.

– И что? Фред, когда это было проблемой?

Штейн тяжело вздохнул.

– Ну... ты же понимаешь... – он, казалось, не мог подобрать правильные слова.

– Нет. Я не понимаю.

– Эдам, ты *должен* понимать, – Фред виновато улыбнулся. Лицо Эдама покрылось пятнами.

– Фред, говори напрямую. Мы достаточно долго друг друга знаем.

Штейн снял очки и покрутил их в руках.

– Я не могу. Честно. После того случая в Судане...

– В Южном Судане.

– В Южном Судане. Какая разница? – в голосе Фреда слышались недовольные нотки. – Все знают, что случилось.

– Но ведь...

Штейн не дал ему договорить.

– Меня просто не поймут, ты и сам это знаешь. Поставь себя на моё место...

– Фред.

– Не могу. Прости.

Эдам поднялся из-за стола. Молча подошёл к окну и уставился в пространство невидящим взглядом. Штейн опустил глаза и покачал головой, снова глянул на фотографии перед собой.

– Попробуй онлайн. Чем чёрт не шутит.

Эдам зло усмехнулся:

– Ты серьёзно?

– Ну а что я скажу? Чего ты хочешь от меня? – Фред с раз-

дражением отбросил очки на стол. – Я ведь не против работать с тобой. Давай подождём. Пройдёт годик-два. Навалится куча других событий. Эта ситуация подзабудется, и мы снова начнём потихоньку работать.

Эдам покривился:

– И как я эти годик-два должен жить?

Штейн пожал плечами:

– Наверное, есть какие-то варианты. Я не знаю. Ну, в конце концов, у твоего деда огромная корпорация. У них там есть медиаслужба. Правильно? Почему бы тебе не пойти к нему?

– Ты же знаешь, что мы ненавидим друг друга.

Штейн глянул на него исподлобья.

– Может, стоит быть немного гибче? Твоя принципиальность тебе всегда только вредила.

– Спасибо за заботу!

Эдам взял со стула сумку, накинул её на плечо и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Штейн проводил его взглядом, вздохнул и вновь покачал головой.

5

После неудачного похода в Observer Report Эдам встретился с бывшим коллегой Орестом Паппасом.

– Эдам, ты с луны, что ли, свалился? – сказал тот, жадно

плотнув дешёвого пива. – Сколько ты в своей Африке пробыл?

– Два с половиной года.

Тучному Оресту всегда было жарко, поэтому холодное пиво он поглощал в огромных количествах.

– Майки! Давай ещё одну! – крикнул он бармену, мгновенно опустошив бокал, и вернулся к разговору. – Ну вот!

– В смысле?

Эдам незаметно надавил ледяными кончиками пальцев на висок. Он едва справлялся с головной болью, раскалывающую череп на мелкие кусочки.

Паппас подался вперёд.

– Ты знаешь, где я сейчас работаю? Конечно, не знаешь! Счастливый человек! Интернет-портал Starlet! – он взял новый бокал, поданный барменом. – Сын Кадоподиса, тот, который Димос...

– Младший?

– Младший. Чтоб его! И за что мне это наказание! Я снова связался с греками, ты можешь поверить? – уроженец Афин закатил глаза. – Хуже греков только русские. Прости! – быстро добавил он, вспомнив, что дед Эдама эмигрант из России, и примирительно чокнулся с его бокалом, стоящим на стойке. – В общем. Чувак решил, что, если откроет свой таблоид, ему бабы будут больше давать. Ну ты ж его видел.

Эдам не мог не согласиться. Младшего сына самого богатого в стране торговца мерседесами он встречал пару раз.

И этого хватило сполна.

– Будет время, глянь эту радость, – Паппас недовольно потряс головой. – Pornhub веселее выглядит. Я ваяю там интервью со всеми этими тупыми коровами, которые двух слов связать не могут. Слава богу, на мне только тексты. Я сам могу придумать их богатый внутренний мир. А вот Рори, который у нас видео занимается, так он вешается.

– Орест, мне сейчас любая работа нужна.

Паппас выразительно посмотрел на него.

– Любимый! Папа мальчику денег дал на первые два года, и всё. Дальше сами. А что Димос умеет, кроме как кокаин жрать? Люди от него разбегаются. Нас закроют со дня на день. Я слышал, что у тебя там какая-то хрень произошла, но, честно, лучше бы ты в своём Свазиленде оставался, – он отхлебнул пива и поднял брови, озарённый новой мыслью. – А чего ты свою Клариссу не спросишь? Она же...

– Клариссы нет. Всё.

– А-а-а, – протянул Орест. – Сочувствую. Хотя... сочная девуня была, – он причмокнул губами.

Эдам поднял на него глаза.

– Ну прости. Ты же знаешь, я люблю красивых баб.

Эдам съездил ещё на несколько встреч. Но, как часто бывает, если ты выпадаешь из обоймы на какое-то время, вернуться очень сложно. К тому же он всегда был одиночкой, непонятным для большинства, потому популярности в про-

фессиональных кругах не имел, а друзей и приятелей у него было немного.

Деньги заканчивались быстро. Улетучивались, словно медицинский спирт, которым он обрабатывал шрамы. Это усиливало стресс, и головные боли возобновлялись чаще.

Алкоголь, купленный им на остатки скудных сбережений, притуплял боль на некоторое время, но потом она возвращалась с новой силой.

В пабы он ходил только на встречи. Если нужно было заглушить боль, он прикладывался к фляжке в каком-нибудь укромном месте. Самоуважения это не прибавляло, но по-другому он не мог.

Эдам удивился, когда, выйдя с очередной встречи, обнаружил, что уже стемнело. День пролетел, а он и не заметил. Зажглись фонари, вспыхнули вывески всех цветов и оттенков. Люди говорили громче и больше смеялись. Звук машин приутих. Он медленно брёл в свой отель по оживлённой улице в полубессознательном состоянии. Он не был пьян, просто головная боль настолько его истощила, что он едва представлял ноги. Всё вокруг расплывалось, словно на глаза был брошен кусок мутного полиэтилена.

В пабах было полно народу. Люди общались друг с другом, радовались жизни и веселились так, будто завтра будет даже лучше, чем сейчас. У одного из заведений толпились люди. С ним кто-то столкнулся. Со смехом извинился. Эдам что-то пробурчал в ответ. Его похлопали по плечу. Он на се-

кунду остановился. Посмотрел на вход бара. Нет, он не может позволить себе зайти туда.

На другой стороне улицы, в густой тени здания, затаился старенький «Фиат-Панда». Лицо сидящего в нём человека было трудно различить в темноте. Он внимательно наблюдал, как Эдам постоял на краю тротуара под барной вывеской, затем справился с искушением и двинулся дальше. Человек в машине проводил его взглядом. Завёл мотор и медленно поехал следом.

6

И в эту ночь Эдам не мог нормально заснуть. Он метался по крошечной комнатке, как волк в клетке зоопарка. Забрасывал горстями таблетки в рот, запивал их виски. Падал на кровать и лежал с открытыми глазами, тихо постанывая от боли.

Но только наступило утро, он принялся обзванивать своих немногочисленных знакомых.

– Да! Привет! Я. Узнал? Ну здорово! Да, в Лондоне. Нет, недавно. Нет, зачем? Сейчас как раз свободен. Могу поехать хоть куда. Серьёзно! В любую точку мира. Да нет, я в полном порядке. Всё отлично! Ну ты же меня знаешь. Хоть завтра. Ну и что? Всего лишь пара царапин, – он притворно засмеялся и поморщился, просовывая перебинтованную руку в рукав рубашки. – Это всё слухи! Хоть Монголия, хоть Северный полюс. Я готов.

Выслушав ответ, он помрачнел, но постарался не выдать этого голосом.

– Окей. Да, конечно. Обязательно! Пока.

Тут же набрал новый номер.

– Кэти, привет! Как дела? Это Эдам. Эдам Шерл. Очень рад тебя слышать. О! Да? – его голос упал. – Что сказали? Даже так? – он прочистил горло. – Скажем так, это не просто неправда – это ложь. Да, именно! – в его голосе послышался металл, однако похоже на том конце провода выслушивать его не собирались. – Почему не имеет значения? Разве это не важно? Я понимаю. И *это* я понимаю. погоди! Я ведь, вообще-то, звоню совсем по другому поводу, – ответ собеседницы заставил его покраснеть от гнева. – Ах, вот так! Ну, тогда... всего хорошего тебе, Кэти! Спасибо, что уделила время.

Он бросил телефон на кровать и постарался не дать волю чувствам.

Таких звонков было ещё с дюжину. Оставалась надежда на встречу, назначенную на середину дня. Чтобы совсем не впасть в отчаяние, он решил выйти из гостиницы пораньше. Но прогулка не помогла. Его окружало столько счастливых и беззаботных людей, у которых, казалось, никогда не было никаких проблем. А невидимая дыра в его груди разрасталась с каждой минутой.

Раз за разом он уезжал из дома именно из-за того, что здесь он чувствовал, как она расширяется, засасывая его це-

ликом. За тысячи миль отсюда эта дыра будто затягивалась. Не полностью, конечно. Но Эдам почти забывал о ней. Нет, он должен найти способ снова уехать. Неважно куда.

В указанный для встречи паб он пришёл на полчаса раньше. Заказал бокал лёгкого эля и стал ждать. Голова чуть-чуть прояснилась. Но насладиться передышкой Эдаму не удалось. Нетрезвый мужичок, видимо завсегда́тай баров, без разрешения шмякнулся на соседний стул и начал жаловаться на свою жизнь, хотя никто его об этом не просил.

Хоть Эдам и вырос в Британии, он совершенно не любил пабы. И внезапные задушевные разговоры с незнакомцами, которые так нравились многим его знакомым, ему претили. Он стойко терпел болтовню сидящего рядом с ним человека – отвязаться от него сейчас просто не хватало энергии.

– Вот они говорят, причина в тебе. Всё в тебе, – бубнил тот. – Это ты, ты сам виноват, понимаешь? Они говорят, мол, изменись сам и всё изменится. Жизнь прямо в один момент станет охрененно прекрасной, – он крякнул и отхлебнул из бокала. – Да? А что изменится? – мужчина вытер губы рукой и посмотрел на Эдама остекленевшим взглядом. – Что изменится-то? А? Ты согласен?

Бармен, заметив, что Эдаму такое соседство не по душе, подошёл к ним.

– Стэн, дружище, не трогай человека.

– А что, мы просто разговариваем, – мужчина положил руку на плечо Эдама.

Эдам дёрнулся и резко смахнул её.

Бармен посуровел.

– Оставь мужика в покое, тебе говорят. Сядь вон туда.

Стэн заворчал, но пересел. Тут же завибрировал телефон Эдама. Пришло сообщение: «Приятель, прости! Замотался. Никак не успеваю сегодня. Давай в другой раз».

Эдам стиснул зубы. Словно в насмешку, в голову вновь ударила боль. Он закрыл глаза и втянул ноздрями воздух.

– Вы в порядке? – услышал он и повернулся.

Мужчина, сидящий на углу барной стойки, с деловым журналом в руках, внимательно смотрел на него.

– Всё хорошо, – Эдам попытался улыбнуться, но тут его взгляд упал на обложку журнала.

На фото красовался пожилой бизнесмен с прямым суровым взглядом. Седые волосы тщательно уложены, серебристая короткая борода напомажена не хуже, чем у заправского хипстера. Из нагрудного кармана дорогого костюма торчит кончик золотистого шёлкового платка. Точно такой же шёлковый платок элегантно повязан вокруг тонкой шеи.

Никто не дал бы этому мужчине его девяносто девять лет. По взгляду было видно, что старик ещё может кому угодно свернуть голову.

Этого человека Эдам ненавидел больше всех на свете. Это был его дед. Майкл Шерл. Эдам отвернулся и поморщился. Бросил деньги на стойку и поспешил покинуть паб.

Когда он перебежал дорогу, его чуть не сбила машина. Раз-

дался резкий скрип тормозов. Водитель закричал на него. Эдам, ни на что не обращая внимания, побежал прочь от этого места.

Человек в сером фиате, припаркованном неподалёку, не спускал с него глаз.

Эдам добежал до небольшого парка у площади, упал на скамейку и, стиснув голову руками, долго сидел, глядя в асфальт перед собой. Наконец он распрямился, сделал глубокий вдох и написал сообщение на номер, который с трудом отыскал в записной книжке.

Через три минуты пришёл ответ.

Он долго смотрел на экран, затем кивнул и прошептал:
– Ладно.

Поднялся и направился к ближайшей станции метро.

#####7

На посту охраны для него был готов пропуск.

Офис располагался в старинном пятиэтажном особняке с башенкой. Дед купил это здание в шестидесятые годы прошлого века, когда бизнес сильно пошёл в гору.

Эдам посмотрел на огромный логотип SHERL'S с позолоченными переплетениями, красующийся на стене над мраморной лестницей в холле. Название фамильного бренда переливалось в центре золотой рамы. Вставленные в неё многогранные лампы отбрасывали блики на стену, словно насто-

ящие бриллианты. Всё говорило о том, что ты попал в компанию с историей, а её изделия дорогие, высококачественные и эксклюзивные. Какие могут позволить себе только очень и очень состоятельные покупатели.

Эдам не был здесь много лет. Он подавил растущую тревогу в груди и стал подниматься по лестнице.

Пальцы нервно схватили перила. Каждый шаг давался с большим трудом. На шестой ступени у Эдама закружилась голова, и он медленно осел на холодный мрамор.

Трое молодых людей в дорогих костюмах спускались ему навстречу.

Один из них хохотнул:

– Смотри! На работу как на праздник! Сэмми, прямо как ты в пятницу.

– Ты по понедельникам не лучше, – отозвался с улыбкой Сэмми.

Третий цокнул языком и покачал головой:

– Понабирают кого попало! А потом у нас в туалет страшно зайти.

– Что-то я его прежде не видел, – хмыкнул Сэмми. – Может, это VIP-клиент?

– Да какое там! – отозвался первый. – Полотёр скорей. Из какой-нибудь солнечной Дуйпердени. Пошли, а то не успеем.

Мужчины прошли мимо охраны и вышли на улицу.

Эдама била дрожь, всё тело мгновенно покрылось потом.

Он без особого успеха попытался встать. Его окатила волна ужасного стыда и злости на собственное состояние. Уж что-то, а оказаться в таком положении в офисе деда было слишком унижительно.

– Осторожно! – миниатюрная девушка в тёмно-синем деловом костюме, только что вышедшая из лифта, пробежала через холл, вспорхнула на лестницу и подхватила его под руку.

Лучистые глаза озаряли её креольское лицо каким-то магическим светом. Они были тёмно-карие, почти чёрные, но у некоторых людей глаза словно светятся изнутри. Её оказались именно такими. Любой был бы очарован. Но стоило ей прикоснуться к Эдаму, его передёрнуло, будто от удара током.

– Я в порядке. Я просто... Голова закружилась.

– Я вижу, – она ласково улыбнулась. – Держитесь!

Её ладони были мягкими и тёплыми.

Эдам покраснел.

– Всё. Я в порядке. Спасибо! – голос его не слушался. Он собрался с силами и встал, вцепившись в перила и стараясь держаться прямо. – Всё хорошо!

Девушка засмеялась и с сомнением посмотрела на него:

– Точно?

Он глянул на неё и ещё больше смутился.

– Да, спасибо!

– Тогда я побежала. Хорошего дня!

Эдам проводил её точёную фигурку взглядом. Она обернулась и помахала ему. Он нахмурился. Есть женщины, перед которыми ты ни за что не захочешь выглядеть неловко. Или немужественно. Уж тем более если она чуть ли не вдвое младше тебя. А он распластался на лестнице, как какая-то размазня!

Эдам кашлянул от досады, достал из кармана баночку с таблетками, проглотил одну и стал медленно подниматься на второй этаж, откуда на отдельном лифте можно было попасть в приёмную деда. Разумеется, свою приёмную он устроил в той самой башенке, которая украшала здание компании.

Эдам еле дождался прихода старинного лифта, закрыл за собой решётку и нажал на кнопку, рядом с которой на медной панели был выгравирован вензель деда. Он зажмурился, пока лифт поднимал его вверх, и молил небеса, чтобы его не вырвало.

Всё обошлось. Двери раскрылись. Он быстро пересёк небольшой коридор, выстланный чёрным ковровым покрытием, и остановился перед массивной дверью из эбенового дерева. Бесшумно выдохнул, взялся за хромированную ручку и дёрнул дверь на себя.

Окна в приёмной были высокими, резными. За ними виднелись крыши близлежащих домов с кирпичными трубами. Рассеянный свет от серых облаков преграждали длинные полупрозрачные шторы.

Стол секретаря Майкла стоял ровно между окнами, боком к двери, ведущей в офис деда. Сидящая за ним Мария Вудхарт, всю жизнь проработавшая в компании, за последние двадцать лет мало изменилась. Разве что появились очки в тонкой, едва заметной оправе. Эдам увидел всё ту же стройную, подтянутую женщину, в которой всегда чувствовался класс и твёрдость характера.

Мария оторвалась от ноутбука и посмотрела на него.

– Я удивилась, когда получила сообщение от тебя. Очень неожиданно, – она поднялась, чтобы поприветствовать его. – Какими судьбами?

Эдам пожал её сухую прохладную руку.

– Рад тебя видеть, Мария.

Он глянул на пустующий стол второго секретаря.

– Дэвид в отъезде. Ты его не знаешь. Очень смыслённый молодой человек. Майкл его ценит.

– Да?

Эдам покосился на огромный портрет деда, висящий на стене напротив двери кабинета. Увеличенная фотография в раме была похожа на ту, что он только что видел в журнале, но здесь Майкл выглядел ещё более величественно и даже несколько угрожающе. В руках он держал трость с платиновым набалдашником, которой на самом деле никогда не пользовался. К своим девяносто девяти годам он сохранил удивительное здоровье и бодрость. Майкл всегда был спортивным человеком, до сих пор катался на горных лыжах

и даже немного сёрфил. Но трость на фото придавала ему ещё больше власти, а что такое сила имиджа – Майкл Шерл знал лучше всех.

– Я бы хотел поговорить с ним, – выдавил Эдам.

Мария разглядывала повязку на его руке, выбившуюся из-под рукава. Он поспешил её спрятать.

– У нас сегодня вечером презентация новой коллекции, – сказала она. – Осталось буквально несколько часов.

– Не могла бы ты узнать, когда он сможет встретиться со мной?

Эдам сам удивлялся своей нерешительности. Что на него нашло?

– Всё в порядке? – она посмотрела ему в глаза.

От её пронизательного взгляда он ещё больше смутился.

– Да, да... Спасибо!

Мария задумалась на секунду, потом медленно кивнула:

– Я попробую что-нибудь сделать. Подожди здесь.

Она постучала в закрытую дверь и прошла в кабинет.

Эдам сел в кресло напротив портрета и замер в напряжённом ожидании. Серые глаза Майкла смотрели прямо на него. Эдам подумал, что любой посетитель должен был съёживаться от этого давящего взора.

Мария вернулась быстро. Эдам с надеждой вскинул на неё взгляд.

Она качнула головой.

– К сожалению, он не может с тобой встретиться.

Эдам хотел было спросить насчет другого дня, но Мария опередила его.

– Ни в этом месяце, ни в следующем. Ты должен понимать, что это значит, – отчеканила она.

Желваки заиграли на скулах Эдама. Решив не подавать вида, что расстроен и разгневан, он втянул воздух и бесшумно пропустил его между зубов.

– Я понял.

Мария не стала говорить пустых слов о том, что ей жаль или что-то ещё в подобном духе. Она слишком хорошо знала обоих и была прекрасно осведомлена об их отношениях. Но она всегда симпатизировала Эдаму, поэтому добавила:

– Если что, ты знаешь мой номер.

– Спасибо, Мария!

Он изобразил подобие улыбки и вышел из приёмной.

8

Чуть позже Майкл вспомнил о том, что внук вдруг решил обрадовать его своим визитом. Вместе с помощником Дэвидом и старшим ювелиром Уильямом Кэлишем он совершал обход производства, чтобы проконтролировать подготовку к сегодняшней презентации. Двадцатипятилетний Дэвид был спокоен, а вот Кэлиш, которому шёл седьмой десяток, был смущён и даже несколько напуган. Ещё бы, именно он отвечал за готовность коллекции к показу.

Сначала они прошли в комнату, где готовые изделия раскладывались по бархатным коробкам и упаковывались в картонные кейсы с фирменной символикой компании.

Упаковкой занимались несколько красивых девушек из Восточной Европы. Тонкие руки в белых хлопчатобумажных перчатках порхали над коробками, аккуратно раскладывая уникальные украшения. Одетые в фирменные комбинезоны василькового цвета, с убранными под маленькие шапочки волосами, девушки выглядели особенно привлекательно. Майкл любил окружать себя красотой – даже простые работницы должны были радовать его глаз.

Ходили слухи, что он любовался ими не только в производственных помещениях. Но это были только слухи. Кто знает, что было на самом деле? Судя по всему, такое положение дел всех устраивало. Тех, кого не устраивало, Майкл быстро лишал работы.

В этой комнате они не задержались. Майкла интересовало, что происходит в цехе. Около десяти процентов продукции ещё оставались на завершающей стадии изготовления.

Дэвид распахнул перед спутниками дверь в цех. Майкл прошёл первым и двинулся энергичным шагом вдоль столов работающих ювелиров. Иногда он останавливался, проверяя то или иное изделие.

– Очень медленно, Уил. Очень медленно! – он взял из рук ювелира изящную платиновую брошь с изумрудами и поднёс к глазам.

– Мы успеваем. Я лично всё перепроверил тридцать раз, – ответил сбивающимся голосом Кэлиш.

Джереми Хирш, только что передавший Майклу брошь, глянул на хозяина фирмы с любопытством и протянул ему десятикратную лупу. Майкл поднёс её к изделию.

– Что скажешь? – глаза Хирша улыбались. Он был одним из старейших мастеров компании и мог говорить с Майклом на равных. А сейчас он был особенно доволен своей работой.

– Да, – скупно похвалил Майкл и вернул брошь.

– Мой внук помогал. Эзра, поздоровайся с мистером Шерлом.

Сидящий напротив молодой ювелир привстал со стула.

– Здравствуйте, мистер Шерл.

– Внук, говоришь?

Майкл строго посмотрел на Эзру. Тот оторопел.

– Уже второй год у нас. Делает успехи, – заулыбался Хирш.

Майкл коротко кивнул и зашагал дальше.

– К пяти чтобы всё было упаковано, – бросил он Кэлишу, слегка повернув голову в его сторону.

– Конечно-конечно, – закивал тот.

Дэвид протянул Майклу телефон:

– Мария.

Хозяин компании приложил телефон к уху и зажал его плечом, одновременно поправляя запонку.

– Да! Нет. Завтра, – отчеканил он. – Да. Согласен. Так

и сделайте.

Он уже готов был завершить разговор, но вспомнил про неожиданный визит внука.

– Да, кстати. Что это сегодня было? – спросил он строго. – Именно! Зачем он приходил? А кто должен знать? Скажите охране, чтобы его больше сюда не пускали. Всё!

9

Стемнело.

Эдам стоял у банкомата в нише у маленького продуктового магазинчика. Его карта не прошла на кассе, и он хотел разобраться, что с ней не так. Эдам с тревогой всунул её в приёмник. Экран высветил остаток. Эдам выругался. Цифра была отрицательной. Он ушёл в минус всего на четыре фунта, но это значило, что двадцатка в его кошельке – это всё, что осталось.

– Я же считал... – пробормотал он.

Пот проступил на лбу. Эдам попытался унять подступающую панику, зная, что, если поддаться эмоциям, его снова накроет мигрень, от которой он будет мучиться всю ночь. А он только-только получил два часа передышки.

Он забрал карту и положил её в тощий кошелёк. Сегодня можно и не ужинать. Так, купить что-нибудь совсем дешёвое, чтобы хоть что-то закинуть в желудок. И вообще, в его возрасте полезно худеть. Эдам сам себе усмехнулся.

В магазине распродаж, где торговали всякой всячиной,

от хозяйственных товаров до дешёвых консервов и лекарств, он долго бродил между стеллажами, вычисляя, что выгоднее всего купить. Рядом ходили такие же покупатели, с потерянными взглядами и довольно бедные на вид люди. Но ему не привыкать. Он же вообще приехал из Африки, где бедность повсюду.

Мимо него прошёл бездомный, окатив волной отвратительного запаха. Пришлось задержать дыхание и даже на секунду зажмуриться, настолько невыносимой была эта вонь.

Эдам с тоской посмотрел мужчине вслед. Сегодня у него самая последняя оплаченная ночь в гостинице, а где доведётся ночевать завтра – он пока понятия не имел. Он поставил жестяную банку с сардинами обратно на полку и поплёлся дальше.

Кто бы мог подумать, глядя на Эдама, что он единственный наследник громадного состояния и известного международного бренда! Никто и не думал! Никому до этого не было дела, включая его самого. Сейчас он был занят вопросами выживания.

Он остановился у полки с лекарствами. Его таблетки закончились. А без них он никак не мог.

Эдам взял баночку с одним лекарством, потом с другим. Не то. С надеждой глянул в конец стеллажа. Проверил ещё несколько упаковок. В итоге нашёл самый дешёвый аспирин, который ему не особенно-то и помогал. Взял его и прошёл на кассу. За большим окном магазина виднелся серый фиат,

припаркованный на противоположной стороне дороги. Света в салоне не было, поэтому человека, который зорко следил за ним с водительского места, Эдам не увидел.

В метро его всё-таки настигла мигрень. В ушах загудело. Голова с первых же приступов затрещала так, что в глазах потемнело. Он пробрался в дальний конец вагона, отвернул трясущимися руками крышку пузырька и забросил сразу две таблетки в рот. Потом сжался в углу, стараясь не замечать людей вокруг.

Три месяца назад он был одним из лучших независимых журналистов страны, проводивших вдали от дома большую часть года. Теперь же он превратился в бродягу, у которого за душой нет ни пени. В человека без будущего.

Его начало морозить. Он плотнее укутался в куртку и попытался задремать.

На одной из станций напротив села прилично одетая женщина чуть постарше его. Окинув Эдама брезгливым взглядом, она поспешила пересесть, а затем и вовсе перешла в другой вагон.

Воистину, этот мир создан для молодых, богатых и здоровых. Если один из этих компонентов отсутствует, тебя не ждёт ничего хорошего.

10

Тем временем в одном из прекраснейших дворцов сто-

лицы Великобритании шёл показ новой коллекции Майкла Шерла. Посередине зала высился длинный подиум, по которому под вспышки фотокамер и восторженные возгласы гостей дефилировали модели в вечерних платьях.

С потолка свисал светящийся нежно-голубым неоном логотип названия коллекции – Constellation². Маленькие звёздочки обрамляли изящные буквы. В отличие от модных показов зрители не сидели вдоль подиума – в зале были расставлены высокие круглые столики, рядом с которыми общались ценители красоты и роскоши.

Играла модная стильная музыка.

Модели одна за другой спускались с подиума в зал и лавировали между дорогих во всех смыслах гостей. Девушки замирали в эффектных позах, чтобы очередной миллионер и его жена или подруга могли отвлечься от коктейлей и рассмотреть вблизи сверкающие на них произведения ювелирного искусства.

Тут же сновали фотографы, спешащие запечатлеть удачный момент.

Майкл в бархатном чёрном смокинге давал интервью. Он – само очарование – блистал в этот вечер. Журналистка не могла оторвать от него восхищённого взгляда.

– Чем вы вдохновлялись, когда придумывали эту коллекцию?

Майкл сверкнул белоснежной улыбкой.

² Созвездие (англ.).

– Мне хотелось объединить красоту и возвышенность. Природа подарила человечеству сокровища бесконечной ценности. Что может быть прекраснее рассвета или, скажем, звёзд, которыми мы можем любоваться в ночи? Но если подумать, то все эти богатства, хоть и доступны нам, всё же нам не принадлежат. Мы не можем обладать всем этим великолепием. Невозможно зачерпнуть ладонями закат, не так ли?

– Безусловно, – глаза девушки блеснули.

– Но природа щедра, – продолжал Майкл. – Любой камень – это застывший момент истинной красоты, созданной природой.

– О господи! – воскликнула журналистка. – Вы невероятный человек!

Майкл сдержал улыбку.

– Я, с вашего позволения, продолжу. Так вот, природа создаёт драгоценный камень, но прячет его от посторонних глаз. Почему?

– Да, почему?

– Настоящее чудо легко опознать. Более того, не каждый может сразу увидеть, что лежит перед ним. Для кого-то это поцелуй природы, а для кого-то обычный булыжник. Но тот, кто способен видеть истинную красоту, просто обязан открыть её другим. Я – способен, – его глаза хитро сверкнули. – Я могу представить это чудо миру должным образом. После того как огранщик даст камню заиграть, а ювелир обрамит его благородным металлом и тем самым подчеркнёт

его великолепии ещё больше, у нас появится вот это.

Он указал рукой на модель азиатской внешности, проходящую мимо. На её откровенном платье изумрудного цвета сверкала та самая брошь, которую он рассматривал сегодня. Переливы камней приковывали взгляд к центру лифа, над которым вздымался соблазнительный бюст.

Увидев брошь и красоту девушки, которая стрельнула в него игривым взглядом, Майкл не смог сдержать улыбку.

– Ну разве это не прекрасно?

Журналистка рассмеялась.

– Невозможно не согласиться, – и она тут же перешла к новому вопросу: – У вашего бренда довольно интересная история...

– О да! – Майкл любил говорить об этом.

– Ваши предки были поставщиками императорского двора в России, как Фаберже.

– Мы были лучше! – он посмотрел на журналистку так, что та зарделась. – Хотите знать, как так получилось?

Девушка с интересом посмотрела на него.

– Конечно!

– Мой дед – ювелир от бога – в 1907 году сделал подарок великой княжне Анастасии.

– Той самой?

– Той самой. Тогда ей исполнилось шесть лет.

Он и сам любил эту историю. И много раз её рассказывал.

Шёл 1907 год. Яков Агафонович Воронов, тогда ещё малоизвестный в стране ювелир, сорока одного года от роду, прибыл в столицу Российской империи из Екатеринбурга с тремя помощниками.

Это был не первый его визит в Санкт-Петербург. В это время ювелирное дело в России переживало настоящий бум, и пример земляка Алексея Козьмича Денисова-Уральского, известного художника и ювелира, который совсем недавно переехал в столицу и открыл свою мастерскую и магазин рядом с салонами Карла Фаберже и Александра Тилландера, не давал Якову Агафоновичу покоя.

В это время в моду вошли фигурки из поделочных и полудрагоценных камней, и, зная страсть императора к коллекционированию военных мундиров, Воронов решил сделать набор фигурок солдат, облачённых в форму наиболее прославленных российских полков.

Однако попасть к императору никак не удавалось, а следующая выставка, на которой можно было бы презентовать работы, ожидалась нескоро.

Он долго добивался аудиенции, используя все свои связи и связи клиентов, которые к тому моменту оценили искусство его мастеров. В организации встречи помог всё тот же Денисов-Уральский.

Алексей Козьмич был большим энтузиастом горного дела и искренне любил Урал, его природу и людей. К тому же он был загружен заказами на изготовление украшений с ак-

вамаринами, которые именно благодаря ему вошли в моду в Петербурге, и только-только начал сотрудничество с домом Картье, так что вполне благосклонно отнёсся к просьбе земляка о помощи.

И он же отговорил Воронова от идеи дарить императору фигурки солдатиков.

– Это подождёт до выставки, попридержите их. Они славные и исполнены отменно. Но время вы выбрали не самое удачное, уважаемый Яков Агафонович. Государь сейчас совершенно недоступен. К тому же такой подарок может очень двусмысленно смотреться.

– Я понимаю. Кто ж знал, что так получится, – вздохнул гость.

Они разговаривали четвёртого июня – на следующий день после того, как император распустил Государственную думу. Время было нервное. Николай готовил реформу представительной власти, и все только и говорили, что события 1905 года могут повториться снова. Какие уж тут подарки в виде фигурок военных!

– М-да, – протянул Денисов и запустил пальцы в свою пышную шевелюру. – Раз уж вы приехали...

Воронов с надеждой посмотрел на него. Их отцы когда-то работали вместе, и он очень надеялся, что известный ювелир не забудет об этом.

– Вот что, – после недолгой паузы сказал Денисов. – А что, если вы подарите что-нибудь изящное на рождение

княжны Анастасии? Оно у неё завтра. Если вы хотите заявить о себе, то лучшего случая и придумать нельзя. Делали ли вы собачек или кошечек из камня? Это невероятно модно сейчас.

– Конечно. Только вот то, что с собой захватили, уже распродали. Мало взяли, – скромно улыбнулся Воронов.

– Как же вы так, дорогой мой?! – Денисов-Уральский с укором посмотрел на него.

– Но зато у меня есть это, – Воронов достал из саквояжа маленькую коробочку и протянул её Денисову.

Алексей Козьмич открыл её, и глаза его засверкали.

– Ну вот же! Очень недурно, – он поднёс изделие ближе, чтобы лучше рассмотреть. – Неплохо. Очень даже неплохо! Это будет достойным подарком. – Он вернул коробочку владельцу.

– Я попробую устроить вам короткий визит. Времени мало, но стоит попытаться.

Алексей Козьмич сдержал слово, и пятого июня Воронов с помощниками были приглашены в Александровский дворец в Царском Селе.

– У вас только пять минут, – сообщил им камердинер, открывая дверь, ведущую в Кленовую гостиную, и Яков Агафонович шагнул в светлую, просторную комнату.

Высокие разлапистые пальмы, цветущие гибискусы и другие комнатные растения делали её больше похожей на комнату гостеприимного дома, чем на одно из помещений

императорского дворца. Оклеенные светлыми обоями стены были увешаны портретами членов царской семьи – как живописными, так и фотографическими.

Шестилетняя княжна в белом кружевном платье сидела за маленьким столиком и рисовала. Рядом с ней на диване расположилась её крёстная – великая княжна Ольга Александровна, младшая сестра Николая Второго. Красным карандашом она добавляла детали к рисунку дочери императора. Её крестница одобряла дополнения.

– Ещё тут, – она указала тёте на незакрашенный контур бутона тюльпана, расцветающий на бумажном листе.

Доклад камердинера прервал их занятие, и Ольга Александровна взглянула на вошедшего Воронова.

– Настенька, к тебе пришли.

– Ко мне? – девочка подняла глаза на гостя, отложила карандаш и с серьёзным видом подошла к нему.

Яков Агафонович присел на корточки и протянул ей коробочку, которую давеча показывал Денисову.

– Вам подарок, ваше императорское высочество, – улыбнулся он.

Именинница взяла в руки коробочку и посмотрела на крёстную.

Та кивнула:

– Открывай.

Дочь императора распустила шёлковую ленту, которой была обвязана бархатная коробочка, и открыла крышку.

– Ой! – она осторожно достала подарок ювелира.

Это был изящный кустик клубники с яркой ягодой из красной шпинели на нефритовом стебельке. Изделие было исполнено с такой тщательностью и любовью, что выглядело как живое. Прожилки нефрита на листочках повторяли природный узор, золотые усики вились по стеблям, а на ягодке поблёскивали семечки из миниатюрных капелек золота.

– Нравится? – улыбнулся мастер.

В этот момент в гостиную зашёл сам Николай Второй, и дочь побежала к нему, чтобы показать подарок.

Чуть позже в одном из закутков дворца, где проходила презентация коллекции, вдали от посторонних глаз, Майкл уединился с моделью в изумрудном платье. Он схватил её сзади и крепко прижал к себе. Девушка ничуть не сопротивлялась. Она обернулась и игриво улыбнулась ему.

– Как тебя зовут, мармеладка? – Майкл провёл пальцем по её точёной шее.

– Кристи.

– Кристи, говоришь? – он скользнул тыльной стороной руки по её спине, открытой глубоким, до талии, вырезом, и запустил пальцы под струящуюся к ногам ткань.

– Это правда – то, что о вас говорят? – прошептала девушка.

– Обо мне много чего говорят, – невозмутимо ответил

Майкл, наслаждаясь прикосновением к её гладкой, прохладной коже. – Что именно?

– Ну... что вы... на многое способны, – её дыхание начало сбиваться.

Его рука замерла. Он криво усмехнулся.

– А ты любопытная?

Она высвободилась из объятий и, посмотрев на него через плечо, многозначительно улыбнулась.

– Может быть... – лукаво шепнула она и пошла прочь, покачивая бёдрами. Подол платья заскользил по паркету.

Майкл проводил её страстным взглядом, пригладил серебристую бородку и последовал за ней.

11

От голода головная боль становилась невыносимой, и Эдам заставил себя пойти поесть. Он сидел в дешёвой китайской забегаловке, механически подтягивал лапшу палочками и всасывал её, не разбирая вкуса. Порция была большой и пахла аппетитно, но слабость и непрекращающийся стук в висках не давали насладиться ароматом и получить удовольствие от еды.

Играла энергичная музыка. Телевизор под потолком показывал клип неизвестного Эдаму китайского бой-бэнда.

Наследник поставщиков российского императорского дома смотрел перед собой, никого не замечая вокруг, когда

неожиданно к нему подсел человек в сером костюме.

– Эдам Шерл?

Эдам, преодолевая боль, поднял глаза. Лёгкая усмешка скользнула по губам мужчины.

– Меня зовут Смитсон. Я адвокат.

Он положил перед Эдамом свою визитку. Тот глянул на неё, потом на собеседника и вновь равнодушно склонился к тарелке. Поскольку Эдам всё же не прогнал его, Смитсон продолжил:

– У меня для вас деловое предложение, мистер Шерл.

Эдам перестал жевать и прямо посмотрел на него.

– Приятно, когда тебя слушают, – ухмыльнулся адвокат. – Что ж, я начну. Вашему деду Майклу девяносто девять лет. Каким бы бодрым он ни казался, рано или поздно случится неизбежное.

Он намеренно сделал паузу, чтобы проверить реакцию Эдама. Тот смотрел на него без каких-либо эмоций.

– Вы единственный наследник. Компания перейдёт к вам, но ведь очевидно, что вам бизнес деда совсем не интересен.

Он снова сделал паузу. И снова не увидел никакой реакции со стороны наследника.

– Есть люди, заинтересованные в покупке компании, – с расстановкой сообщил адвокат. – И они готовы предложить хорошую цену за *вашу* компанию, – с нажимом закончил он.

Никаких восторгов. Эдам безмолвно ковырял палочками в тарелке. Смитсон представлял себе разговор совершенно

иначе и теперь внимательно изучал собеседника глазами.

– Эдам?

Молчание.

– Вы не хотите ничего сказать?

– Вы ошиблись адресом, – наконец ответил тот.

Смитсон на секунду смутился и сдвинул брови.

– Разве я сейчас разговариваю не с Эдамом Шерлом? – с сомнением проговорил он.

Эдам устремил взгляд на его визитную карточку и спокойно ответил:

– Со мной.

Улыбка расплзлась по лицу адвоката, но Эдам поспешил его огорчить.

– А вам нужно разговаривать с попугаем... – он посмотрел Смитсону прямо в глаза и продолжил тем же ровным тоном: – С собачкой, инструктором по теннису, поваром или там, не знаю, личным проктологом Майкла Шерла. У них у всех больше шансов получить наследство деда, чем у меня.

Смитсон замер, переваривая информацию.

– Хорошего вечера, – Эдам отвернулся и уставился в окно, давая понять, что встреча окончена.

Адвокат поднялся, но не спешил уходить.

– Кто знает, как обернётся жизнь? – многозначительно произнёс он. – Если вам вдруг захочется поговорить со мной об этом, мой номер у вас есть.#

#

Когда Эдам проходил мимо стойки своей крошечной гостиницы, его окликнула девушка-портье.

– Эй, простите. Вы выезжаете завтра, правильно?

– Я в курсе, – бросил он, не оборачиваясь, и прошёл к лестнице, ведущей на второй этаж.

Ночь прошла так же, как и предыдущие. Мысли о разговоре с адвокатом его не тревожили. Если бы хоть раз в жизни, пусть на мгновение, Эдам представил себя наследником состояния деда либо знал, что ему причитается его часть, возможно, он бы терзался сейчас догадками о том, кто послал к нему этого странного адвоката. Но он уже давно решил для себя, что ни пенни из дедовских денег ему не нужно, поэтому несколько не беспокоился об этом. Его больше волновало, где он проведёт следующую ночь.

Ближе к трём часам начался дождь и не утихал до самого рассвета.

Время медленно тянулось. Шесть. Семь. Восемь утра.

Эдам, уже собравший вещи, задумчиво смотрел в окно. Было мерзко и промозгло, небо, затянутое хмурыми тучами, сливалось с серым пейзажем городской окраины. Когда же он вышел из отеля, снова начался дождь. Зонта у Эдама не было, и он моментально вымок.

На скамейке автобусной остановки лежал разбитый чемодан Эдама и его сумка. Сам Эдам стоял под дождём, накло-

нившись над урной и держась за неё обеими руками. Его тошнило. Всё нутро выворачивало наружу.

Отдышавшись, он с трудом дошёл до скамейки и сел. Смахнул капли с волос, вытер нос. Кое-как вытащил телефон из кармана и набрал номер. Растянул лицо в гримасе улыбки и постарался изобразить безмятежность.

– Алло? Да. Привет! Отлично. Да, в городе. Как сам? – он усмехнулся и закивал головой. – Надо, надо. Да. Слушай. Просто тут такое дело. У тебя случайно перехватить немного денег на пару недель не получится? Буквально на... А, понял. Да. Конечно. Нет. Да. Нет-нет. Нет проблем. Не парься. Ага. Давай.

Он засунул трубку обратно и сморщился от боли.

К остановке подкатил автобус. Эдам взял свои нехитрые пожитки и забрался в салон. Водитель глянул на него мельком, но ничего не сказал. Никто не любит бездомных, а пассажир выглядел как один из них. Эдам с горечью подумал, что с сегодняшнего дня это не только видимость – он фактически им стал.

По дороге он немного просох и согрелся – ехать пришлось долго. Эдам вышел на конечной остановке в промышленном районе и побрёл в сторону складов, шурясь, чтобы прочесть надписи на стенах.

– Расскажите о своём опыте, – мужчина с усами сложил руки на столе.

– Ну, вообще-то, я только один раз делал что-то подобное.

Во время учёбы в университете.

– Это когда? Лет тридцать назад?

– Поменьше. Двадцать три, если быть точным, – Эдам посмотрел на него снизу вверх. – Но я уверен, что справлюсь. Что там такого в общем-то...

Менеджер скептически посмотрел на него.

– Наркотики принимаете?

– Нет, что вы, никогда.

– Алкоголь?

– Н-нет. Когда можно приступить?

Его наниматель помедлил, но всё-таки ответил:

– Завтра в ночную смену. Я посмотрю на вас. Пока ничего обещать не буду. Жду вас к десяти вечера. Если опоздаете хотя бы на минуту, можете сюда больше не приходить.

– Спасибо! – просиял Эдам. – Увидимся завтра в десять.

Менеджер проводил его холодным взглядом.

К вечеру дождь превратился в настоящий ливень, стало холоднее. У немногочисленных прохожих шёл пар изо рта. Эдам, по-прежнему с чемоданом и сумкой, вышел из магазина 7-Eleven, держа хот-дог. От голода уже мутило, и он поискал глазами, где бы встать, чтобы перекусить.

Он даже не обратил внимания на чёрный лендровер, подъехавший к магазину. Выскочивший из машины мужчина в коротком кашемировом пальто быстрым шагом направился ко входу, приподняв воротник, но увидел Эдама и остановился.

– Ох ты, господи! Эдам! – радостно закричал он и обнял старинного друга.

Слабая улыбка проступила на лице Эдама.

– Артур?

– Ты в городе, что ли?

Эдам развёл руками.

– Ну. Вот.

– Что, как дела-то? – затараторил Артур. – Так рад тебя видеть! Обалдеть! Вообще не ожидал! Шикарно выглядишь! Что, как там Африка? Присунул какой-нибудь шоколадке?

Эдам заметно расслабился и даже рассмеялся.

– Это ж сколько мы не виделись?! – воскликнул друг.

– Сто веков, наверное, – кивнул Эдам.

– Что ты? Где ты?

Эдам посмотрел на него и перевёл дух.

– Артур! Слушай. Я бы ни за что не стал спрашивать, – он замялся, так как не готовился к разговору и не сразу смог подобрать слова. – Тут такое дело... У тебя случайно нельзя остановиться на пару дней?

Улыбка на лице Артура как-то неестественно зависла.

Он наконец-то заметил чемодан Эдама и его измождённый вид.

– О! Чувак! Я бы с радостью. Но Дженни... Понимаешь... Она ж теперь переехала ко мне. Да ещё и со своими, мать твою, дебильными собаками. Их пять штук! Ты не представляешь, какой это ужас! Пять долбаных псин! – он неесте-

ственно громко гоготнул. – Были бы попугайчики! Или хомячки. А тут! Мне под них пришлось целую комнату отвести. И понимаешь... Я бы рад, честно. Просто...

– Я понимаю. Извини. Не беспокойся. Я просто так спросил. Слушай, мне уже надо бежать.

– А, да. Ну да. Классно, что встретились.

– Тоже рад, – Эдам выбросил хот-дог в урну и, не оглядываясь, пошёл по улице, не чувствуя стекающих по лицу холодных струй дождя.

Артур с виноватым видом проводил его взглядом. Упавшая за шиворот капля заставила его вздрогнуть. Он выругался и забежал в магазин.#

#

13

Дождь и не думал униматься.

Попытка переночевать на складе, где он хранил свои вещи, была пресечена менеджером. Со стыдом ему пришлось покинуть комплекс. В метро он побрезговал оставаться. Ночь решил провести на вокзале Ватерлоо.

Из-за того, что вымок сегодня, Эдам сильно продрог. Он быстро переоделся в сухую одежду в туалете вокзала – сменил рубашку, надел старенький пиджак, чтобы выглядеть солиднее, накинул на него куртку, даже побрызгал на одежду одеколоном, причесался и, трижды убедившись, что не выглядит как бездомный, отправился искать место в зале ожи-

дания, где ему предстояло скоротать ночь.

Эдам устроился на скамейке подальше от всех и забылся тревожным сном. Может быть, из-за того, что он немного расслабился, убедившись, что его никто не собирается выгонять, а может, просто потому, что организм уже устал сопротивляться, головная боль отступила, и он провалился в дрему. Но забытьё было недолгим. Среди ночи его разбудил звонок.

Эдам даже не сразу сообразил, что происходит. После его возвращения звонил только он, ему не звонили. Он никому здесь не был нужен, поэтому раздавшаяся в кармане трель стала неожиданной. Он вытащил телефон и, несколько раз моргнув, уставился на экран. Номер был ему незнаком.

Эдам решил принять вызов.

– Алло? Кто? Что? – он не сразу понял, что ему говорят. – Давайте-ка ещё раз. Кто хочет меня видеть? Что значит где я?

Вдруг он заметил мужчину крепкого телосложения в чёрной кожаной куртке и чёрной водолазке, идущего по проходу между сиденьями. Бугай внимательно окидывал взглядом немногочисленных ожидавших свой рейс пассажиров, явно кого-то выискивая. Увидев Эдама, мужчина решительно направился к нему.

Эдам протянул руку к сумке, другой взял стоящий рядом чемодан и попытался ретироваться. Едва вскочив, он упёрся в ещё одного человека в чёрном – того, кто только что гово-

рил с ним. Он был крупнее первого и выше Эдама на целую голову. В длинном чёрном пальто и такого же цвета костюме и рубашке, он выглядел словно огромная обсидиановая скала.

Мужчина в пальто оторвал телефон от уха и медленно положил его в карман. Эдам дёрнулся, намереваясь рвануть к выходу, но скалообразный незнакомец молниеносно схватил его запястье и больно сжал.

– Только без глупостей, ладно?

Второй подошёл к ним, взял чемодан одной рукой, а второй крепко сжал локоть Эдама.

– Что такое? – забеспокоилась женщина напротив.

– Всё в порядке, мэм. Служба безопасности станции. Я инспектор Джадд, – мужчина в пальто мельком продемонстрировал ей удостоверение. – Мы задержали карманного вора.

– О, боже правый! – выдохнула женщина.

Эдам попытался вырваться.

– У тебя в кармане пакет с кокаином, – процедил ему на ухо бугай в кожаной куртке.

– А у меня распечатка твоих сообщений с форума педофилов, – негромко добавил мнимый инспектор, повернувшись к нему. – Хочешь поговорить об этом в полиции?

– Что? – оторопел Эдам. – Я?

Он совершенно растерялся от такого нелепого обвинения. В другой раз он бы отреагировал немедленно, но сейчас не мог сообразить, как себя вести.

– Что, он ещё и педофил? – женщина подалась вперёд.

Эдам хотел ей ответить, но на него молотом обрушилась мигрень. Он чуть не застонал от боли.

– Иди спокойно, и не будет никаких проблем. Окей? – подтолкнул его вперёд подручный «инспектора».

– Спасибо вам за содействие, – кивнул женщине Джадд, и Эдама повели вниз.

Без каких-либо проблем они протащили Эдама через всё здание и вывели на Кэб-роуд, где на обочине их ждал вишнёвый роллс-ройс. Водитель с большим чёрным зонтом открыл перед ними заднюю дверь и забрал вещи Эдама.

Эдам сел в машину. Внутри его ожидал безмолвный господин устрашающей наружности. Мнимый инспектор Джадд и бугай в кожаной куртке сели рядом, зажав Эдама с обеих сторон.

– Что происходит? – обратился Эдам к главному, морщась от боли.

Тот проигнорировал вопрос. Машина тронулась с места. Где-то вдалеке раздался гром.

14

Всю дорогу они ехали в полном молчании. Эдам страдал от головной боли, поэтому не мог сосредоточиться и продумать план действий.

Лимузин затормозил у здания Викторианской эпохи.

Дождь лил как из ведра. Сопровождающие Эдама вылезли из машины и подняли воротники, спасаясь от ледяных струй. Они обернулись и посмотрели на Эдама. Бугай в кожанке мотнул головой. Эдам последовал за ними.

Увесистые капли били по голове. Волосы мгновенно намокли. Он остановился и вдохнул полной грудью свежий ночной воздух. Подставил дождю лицо. Как ни странно, это помогло расслабиться. Даже боль немного отступила. Он с удовольствием втянул сырой воздух ноздрями.

Его подтолкнули в спину. Он двинулся вперёд.

Безмолвный господин шёл впереди, словно не замечая хлещущие с неба струи воды.

Большие бронзовые часы над входом показывали половину первого.

Вся процессия поднялась по старинным ступеням, прошла через массивные деревянные двери в просторный холл, и Эдам понял, что это больница. Вернее, престижный частный госпиталь.

Сопровождающие провели Эдама в палату на втором этаже и закрыли за ним двери.

В палате находился один-единственный пациент. Изголовье кровати было приподнято, мужчина полулежал. Его тонкие жилистые руки покоились на одеяле. Седые волосы разметались по подушке.

Эдам недобро усмехнулся. Это был его дед. Осунувшийся, бледный. Едва дышащий. Выглядел он так, будто с мину-

ты на минуту собирался отправиться к праотцам.

Эдам подошёл к старику.

– Что это за маскарад? – он не испытывал никакого со-
страдания.

Майкл посмотрел на него бесцветными глазами.

– А ты бы пришёл, если бы я позвал?

Говорил он сипло, с трудом.

– Ближе к делу. У меня мало времени.

– Что, в подворотнях разберут лучшие места? – дед сверк-
нул глазами и хищно оскалился.

Эдам вспыхнул и направился к двери.

– Стой! Извини. Ты тоже не подарок. Мы оба... – Майкл
перевёл дух, – друг друга стоим. Подожди.

Эдам остановился. Развернулся и с презрением посмот-
рел на него.

– Что тебе нужно?

– Ты упрямый, – просипел дед. – Прямо как твой отец.
И такой же недалёковидный, как он. Но ты проныра. Я пом-
ню, как ты в восемнадцать лет отыскал свою мать, хоть я
и не хотел, чтобы это случилось.

Эдам стиснул зубы.

– Если ты думаешь, что мы мило похихикаем о том, как ты
изнасиловал её, а потом довёл до самоубийства моего отца,
то ты ошибаешься.

Майкл хмыкнул.

– Что ж ты тогда пытался со мной встретиться? Если я

такая скотина, а? – он сделал глубокий вдох и продолжил. Голос у него сильно ослабел. – Видишь, иногда мы всё-таки нужны друг другу. Вчера я был нужен тебе, сегодня – ты мне. Такова жизнь. Мы же родственники.

Эдам вскинул брови.

– Родственники?

– Я хочу сказать тебе что-то важное. Потерпи минуту. Присядь. Настало время семейных тайн, – он закашлялся, с трудом перевёл дух и прохрипел: – Я не могу полагаться ни на кого, кроме тебя. Ты моя кровь, нравится тебе это или нет.

Они столкнулись взглядами.

– Я расскажу, а ты сам решишь, что делать дальше.

По оконному стеклу барабанил дождь. Эдам не решился ответить сразу, не понимая, чего именно Майкл хочет от него.

– Возьми стул, – настаивал тот. – Ты знаешь, что наша семья имеет славную историю. Мой прадед начал этот бизнес ещё в России, не имея ни гроша за душой, а дед добился того, что стал поставщиком императорской семьи. Мой отец здесь, в Англии, начинал с нуля, а я сумел превратить скромную ювелирную мастерскую в довольно большую компанию.

Эдам не выдержал.

– Рассказывай, какой ты замечательный, своим работникам. Что тебе нужно? Тебе ведь что-то нужно. Ты бы не притащил меня сюда, если бы у тебя не было какой-то цели.

– Подожди. Посмотри на меня. Ещё вчера я был бодр. Ка-

тался на горных лыжах, мог удовлетворять женщин по пять раз за ночь. Ты вон в свои годы, наверное, таким похвастаться не можешь. Я даже не задумывался о смерти, понимаешь? Но мне всё-таки девяносто девять лет, и, когда с тобой происходит такое, ты начинаешь смотреть на всё по-другому.

Эдам покачал головой:

– Что я здесь делаю?

Майкл продолжал:

– У нашей семьи есть реликвия. Я получил её от моего отца, он от своего, а тот от твоего прапрадеда. Уникальная вещь! Драгоценный камень, настолько редкий, что другого такого на свете просто нет. И дело даже не в том, сколько он стоит. Никто не знает его цену, потому что никто не знает о его существовании. Это было нашей семейной тайной. Этот камень – часть нашей семьи. Нашего рода.

Эдаму стало интересно, но он не подал вида.

– Ты никогда его не видел. И твой отец его не видел. Он не заслужил, будем откровенны.

Майкл с трудом сглотнул и посмотрел в окно. Эдам терпеливо ждал продолжения.

– К сожалению, вчера этот камень украли.

– Украли?

– Меня ограбили. Сразу после презентации новой коллекции.

#

Как ни странно, в детали произошедшего Майкл постарался не вдаваться. Ещё пару минут назад бахвалящийся своими сексуальными победами дед невольно сжался во время рассказа, стараясь как можно быстрее проскочить этот этап, не вдаваясь в особо пикантные подробности. Любые вопросы вызывали у него либо агрессию, либо бульканье и ужимки, совсем не характерные для него.

В конечном итоге из спутанного рассказа Эдам уяснил, что некая юная модель вскружила Майклу голову, он доверился ей, а она его усыпила и обчистила.

Однако если бы кто-то имел возможность взглянуть одним глазком на то, что происходило в действительности, он бы увидел немного иную картину.

После завершения показа в королевском люксе фешенебельного отеля, в котором любил останавливаться прославленный ювелир, на шёлковых простынях происходил акт любви. Кристи, та самая любопытная азиатская модель, заигрывавшая с Майклом во время показа, неистово скакала на нём, издавая сладострастные стоны. Её прекрасное тело отражалось в зеркалах. Груды подпрыгивали, пальцы впивались в ворсистую кожу Майкла.

Тот рычал от страсти.

– Ну что? Это тебе говорили, маленькая сучка? – он шлёпнул её по заднице и с силой стиснул упругую грудь.

– Да! Да! Ещё!

– Это только начало! – загоготал он.

– Жарко!

– Ещё бы!

Кристи взяла с тумбочки бокал и плеснула шампанским себе на грудь. Это понравилось Майклу. Он победно зарычал и слизал сладкие капли с её кожи. Девушка схватила бутылку и со смехом начала поливать себя золотистым напитком так, чтобы шампанское стекало струйкой по набухшему соску. Майкл высунул язык и с жадностью стал лакать игристый напиток.

Кристи с улыбкой наблюдала за ним.

– Нравится?

– Я готов тебя съесть, – пророкотал он.

– Не подавишься? – улыбнулась она.

Он плотоядно зыркнул на неё и оскалился.

– Давай ещё!

– Окей! – она продолжила игру.

– Да-а! – он раскрыл рот шире, жадно поглощая пенящийся напиток.

Девушка наслаждалась процессом, прикрыв глаза от удовольствия.

Внезапно Майкл остановился, медленно помотал головой, три раза хлопнул глазами, совершенно неэротично рыгнул и повалился набок. Кристи улыбнулась. Снотворное, что было в шампанском, подействовало.

Девушка невозмутимо поставила полупустую бутылку на тумбочку, бесстрастно оглядела свою жертву и выскользнула из постели. Подняв изумрудное платье с пола, она не спеша направилась в ванную.

Когда она вышла, полностью одетая, Майкл уже всюю храпел.

Кристи обвела комнату оценивающим взглядом и подошла к тумбочке. Портмоне Майкла из выдвижного ящика полетело в её сумочку первым. Затем она подошла к столу, на котором горкой высились коробочки с драгоценностями, приготовленные в качестве подарков для особых клиентов. Кристи методично сдирала подарочную упаковку, открывала коробку, потом футляр и стряхивала в сумочку одно изделие за другим.

Закончив с драгоценностями, она окинула критичным взглядом комнату и вернулась к постели, на которой сопел Майкл. Стянув с пальца ювелира массивный перстень с огромным сапфиром, Кристи посмотрела на подвеску на его шее. Это был крупный кристалл аметиста, без всякой огранки и обрамлений, на простом кожаном шнурке. Достав из сумочки короткий нож, девушка перерезала шнурок и сжала кристалл в руке. Бросив в сумочку последнюю добычу, она ещё раз оглядела номер и, удовлетворённо кивнув, направилась к двери.

Мужчина в чёрном костюме, замерший у входа в номер, повернул голову на щелчок замка и посмотрел на Кристи.

– Доброй ночи! – проворковала она, аккуратно прикрывая за собой дверь.

– Вам вызвать такси? – спросил телохранитель.

– Я остановилась здесь, – она одарила его многообещающим взглядом. – Ещё увидимся.

Мужчина коротко кивнул, а когда она скрылась за дверьми лифта, довольно ухмыльнулся.

16

Лицо Майкла покрылось красными пятнами.

– Меня обчистили! Развели, как мальчика!

Эдам взял стул и сел у кровати старика.

– Со всеми драгоценностями и деньгами взяли и *его*.

Мозг Эдама по привычке интенсивно заработал. Головная боль улетучилась, чего он в этот момент даже не заметил. Любого бы взбудоражила такая история. Но для Эдама это была ещё и занимательная шарада, которую его мозг захотел решить. По его телу пробежали мурашки. Он испытал то же самое ощущение, что всегда приходило к нему, как только он брался за какое-то интригующее журналистское расследование, которых ему пришлось немало провести за годы работы.

– То есть кто-то всё-таки знал о камне? – уточнил он.

Майкл вздохнул.

– У меня есть подозрения, но я не уверен. Я хочу, чтобы ты, мой внук, разыскал эту вещь. Мы должны вернуть релик-

вию нашей семьи.

Это был неожиданный поворот. Хоть Эдаму и стало любопытно, он никак не ожидал, что его дед захочет попросить у него помощи. Наконец в его голове прояснилось, почему он оказался здесь.

Но вместе с тем внутри проснулась тревога. Ничего хорошего от предложения деда ждать не стоило.

– Что скажешь? – Майкл пристально посмотрел на Эдама. Однако тот не торопился отвечать.

– Ты можешь меня ненавидеть, – занервничал дед. – Но сейчас разговор не о нас с тобой. Это нечто большее, – он подался вперёд. – Найди камень. Ты можешь оставить его себе. Рано или поздно он всё равно достался бы тебе. Он принесёт тебе удачу, я знаю это. Но прежде чем я умру, принеси его мне. Я хочу перед смертью подержать его в руках.

Майкл умолк. Эдам размышлял.

– Что? Что ты молчишь? Тебе всё равно?

Эдам исподлобья посмотрел на него, но так ничего и не сказал.

Дождь за окном не утихал.

Старик сжал кулаки.

– Я готов предоставить в твоё распоряжение всё, что нужно. Мои люди будут тебе помогать и делать всё, что ты скажешь. Все расходы, которые понадобятся, компания покроет. Я знаю, что у тебя сейчас не самый лучший период в жизни. Ты можешь смело тратить на себя столько, сколько...

– Мне от тебя ничего не нужно, – спокойно перебил его Эдам.

– Постарайся быть выше нашего конфликта. Чтобы выполнить мою просьбу, тебе нужно чувствовать себя человеком. Вот, – он взял с прикроватного столика чековую книжку и трясущимися руками выписал чек. – Пятьдесят тысяч. Сделай это не для меня, а для себя.

Он протянул чек Эдаму. Тот даже не шелохнулся.

– Я не верю тебе.

Майкл вздохнул и покачал головой. Казалось, он использовал уже все аргументы.

– Почему я? – спросил Эдам. – Вон у тебя какие молодцы работают. Почему они не могут заняться поисками?

Майкл недовольно посмотрел на него.

– А ты думаешь, я кому-то здесь могу доверять?

– Заяви в полицию. В чём проблема? Это же ограбление.

Майкл фыркнул.

– Если я не доверяю своим людям, я что, поверю полиции?

– Получается, никто не знает, что тебя ограбили?

– Мне не нужны лишние люди. Это наше внутреннее дело.

Ясно?

– Но при чём здесь я?

– Ты моя кровь. Понятно?

Эдама такой аргумент убедить не мог. Для кого-то другого, для другой, нормальной, семьи это был бы веский довод. Но Эдам слишком хорошо знал своего деда. Для него

родственные узы не имели никакого значения. Почему же он настаивал на том, чтобы именно Эдам занялся этим делом? Майкл видел его сомнения и продолжал настаивать:

– Сейчас, пока я ещё жив, у тебя есть шанс найти его и вернуть. Потом, я боюсь, ты уже не сможешь это сделать. Будет слишком поздно.

17

Они не могли знать, что прошлой ночью Кристи отправилась не в свой номер, а поехала на Темзу, где на якоре стояла огромная яхта графитового цвета.

Девушку сложно было узнать. Она уже успела сменить наряд и даже причёску. Вместо туфель на шпильках – удобные белые кроссовки. Вместо вечернего платья – джинсовый комбинезон и тонкая кожаная куртка. За плечами кожаный рюкзак.

Её ждали. Мужчина с неровным бритым черепом и глубоко посаженными глазками, которого прежде представили ей как Славика, шёл за ней вдоль борта. Квадратный и малоподвижный, в дешёвом пиджаке и мятых белых брюках, Славик был ей неприятен. По-английски он говорил очень плохо, но она приехала не к нему и не разговоры разговаривать.

– Сюда! – указал Славик на лестницу, ведущую вниз.

Кристи спустилась по мраморным ступеням, покрытым розовым ковром. Золочёные ажурные перила поблёскивали

в свете фонарей на позолоченных постаментах.

Футуристичный и довольно мрачный вид яхты снаружи резко контрастировал с внутренним интерьером в стиле рококо. Множество зеркал отражали богатое убранство, а от позолоты можно было ослепнуть. Но при этом интерьер не стал безнадёжно безвкусным – те бешеные деньги, что стоила эта махина вместе с внутренней отделкой, всё же себя оправдывали.

«Может, эта яхта отражает характер её владельца? – подумала Кристи, пока шла. – Агрессивный снаружи, но нежный и мягкий внутри?»

Она тут же отмела эту мысль. Её заказчик мягким быть никак не мог. Она это прекрасно понимала. Тем более она не в первый раз работала с русскими. Знала, что с ними нужно вести себя как можно жёстче.

Они прошли через гостиную с белым роялем и резными креслами и завернули за угол, чтобы спуститься ещё ниже. По лестнице, едва заметной для постороннего, Славик проводил её в малую гостиную, где на небольшом диванчике у горящего камина сидел моложавый плотный мужчина средних лет с короткой спортивной стрижкой.

Хотя черты его лица были далеки от правильных, он был по-своему привлекательным, а глубокая ямочка на подбородке придавала ему особый шарм. Но мягким этого человека никто бы точно не назвал.

– Всё удачно? – спросил он её с сильным русским акцен-

том.

– Мне пришлось с ним спать. Тридцать, – отчеканила она.

– Мы так не договаривались, – ответил без тени эмоций русский.

– Нет, я говорила, что, если мне придётся с ним спать, это будет дороже.

Хозяин яхты покачал головой.

– Меня не волнует, каким образом ты выполняешь свою работу. Работа выполнена?

Кристи не ответила. Вместо этого она сняла рюкзак, открыла его и, перевернув, высыпала на низкий столик рядом с диваном драгоценности, похищенные из номера Майкла Шерла. Украшения запрыгали по стеклянной столешнице, несколько упало на пол.

Хозяин яхты посмотрел на всё это великолепие, поводит губами и коротко кивнул.

– Тринадцать ты перевёл. Ещё семнадцать! – настаивала Кристи.

– Я не могу этого проверить.

– Тебе придётся поверить мне на слово.

– Это так не работает, – покачал головой олигарх.

– В моём бизнесе торгов не бывает, – злобно сверкнула глазами девушка.

– Торги бывают везде, – лениво ответил заказчик. – Если бы мы договорились, проблем нет. Я своё слово держу. Я не намерен платить ещё и за то, что ты получаешь удоволь-

ствие во время работы, – он криво усмехнулся.

Славик тоже ухмыльнулся.

Кристи посмотрела на них обоих.

– Окей.

– Ну раз окей, так окей, – владелец яхты потянулся к телефону.

Кристи достала из кармана свой телефон и стала быстро листать фотографии в галерее.

– Ты готова? – спросил русский.

– Ага! – она нашла нужное изображение и ткнула экраном в лицо заказчику.

Тот пробежал глазами по строчкам на скриншоте и издал неопределённый звук.

– Ещё семнадцать! – Кристи посмотрела на него ледяными глазами.

– Откуда?..

– У меня есть репутация, – процедила она. – И если кто-то пытается меня нагреть, мне всегда есть чем ответить. Хочешь поторговаться и насчёт этого? – она потрясла телефоном перед его носом. – Или ты заплатишь и я забуду о том, что у меня есть *это*?

Русский помолчал. Он бросил взгляд на рассыпанные на столе драгоценности.

– Ну? – Кристи наклонила голову.

– Курс и так поднялся почти в два раза.

– Меня не волнует.

Владелец яхты насупился.

– Ну? – повторила Кристи.

– Хорошо, – выдавил он и открыл приложение. – Адрес тот же?

Она протянула ему свой телефон. Он сверил информацию, нажал несколько кнопок, и требуемая сумма в биткоинах упала в электронный кошелек Кристи. Девушка с удовлетворением посмотрела на экран и убрала телефон в карман.

– Благодарю, – с ноткой превосходства ответила она.

Русский олигарх зыркнул на неё исподлобья.

– Удали.

Она смерила его насмешливым взглядом.

– Удали то, что ты мне сейчас показала, – повторил он.

– Ты не думаешь, что я могла сохранить копию? – невинно спросила она.

– Я не хочу, чтобы это было на твоём телефоне.

Усмехнувшись, Кристи подошла вплотную, открыла нужный скриншот и удалила его перед глазами олигарха.

– Доволен?

– Спасибо.

Славик открыл перед ней дверь. Кристи приложила два пальца к виску, словно отдавая заказчику честь на прощание, развернулась и зашагала вслед за его телохранителем. Русский остался один на один с сокровищами.

Стоило дверям закрыться, он повернулся к сверкающим

на столе драгоценностям. Осторожно взял аметист, срезанный с шеи Майкла, и хищно блеснул глазами.

18

– А с другой стороны, – продолжил Майкл, – я умру, что у тебя останется? Твой отец покончил жизнь самоубийством, мать умерла. Детей у тебя нет. Это единственная вещь, которая связывает тебя с нашим родом.

– Что в этом камне особенного? Ты готов бросить на его поиски все ресурсы, платить мне...

– Есть вещи, которые дороже денег, – перебил его Майкл. – Я думал, уж ты-то придержишься именно таких взглядов.

Майкл указал глазами на чек. Эдам покачал головой.

– Когда об этом говорят такие люди, как ты, я понимаю, что дело здесь нечисто.

Старик одарил его ледяным взглядом.

– Но я соглашусь, – продолжил Эдам. – При одном условии.

Майкл внимательно слушал.

– Если я почувствую, что ты обманываешь меня, я немедленно умываю руки.

Они снова столкнулись взглядами.

– И конечно, я приму деньги.

Майкл хрипло рассмеялся.

– Все вы одинаковые. Сколько бы вы ни говорили о высоких устремлениях, в итоге вам всё равно нужны только деньги.

Эдам отреагировал спокойно.

– Я не хочу зависеть от тебя, – ответил он. – Деньги – это безопасность в данном случае. Не более того.

– Забирай!

Эдам снова покачал головой.

– Что?

– Миллион, – Эдам твёрдо посмотрел ему в глаза.

– Что? Ты в своём уме?! – рассвирепел Майкл. – Ты и пенни за всю свою жизнь не заработал!

– Тогда я пошёл, – Эдам поднялся со стула.

– Ты такой же идиот, как твой отец! – заорал Майкл.

– Ничего другого я и не ожидал услышать. Прощай!

Он направился к двери. Дед позади шипел и брызгал слюной от гнева. Эдам взялся за дверную ручку.

– Стой! Хорошо.

Эдам замер на секунду и приподнял брови. Майкл согласился на такую сумму! Он медленно повернулся и посмотрел на него. Тот, казалось, хотел прожечь внука взглядом. Эдам не торопясь подошёл к его постели. Весь красный от злости, старик выписал новый чек. Руки его тряслись ещё сильнее.

– На! – Майкл смял чек и швырнул им во внука.

Эдам без эмоций посмотрел на скомканную бумагу под ногами и ровным голосом произнёс:

– Теперь перепиши и дай мне его по-человечески.

Майкла затрясло от ненависти. Эдам выдержал его взгляд, и Майкл понял, что придётся уступить. Он чуть не смял чековую книжку, но пересилил себя и, морщась, начал писать снова. Медленно, будто чернила не хотели ложиться на бумагу.

Наконец он размашисто расписался и протянул чек внуку, не глядя на него. Эдам взял драгоценную бумажку обеими руками. Проверил.

Действительно, дед, который всю жизнь жалел потратить на него лишнюю сотню, своей рукой выписал ему чек на один миллион фунтов стерлингов.

£ 1 000 000!

Эдам не верил, что такое возможно. Но это случилось.

Его плечи расправились, мускулы наполнились энергией. Ему стало гораздо спокойнее, он даже ощутил приятную тяжесть в теле.

Эдам аккуратно сложил чек пополам, убрал в нагрудный карман пиджака, посмотрел на деда и сказал:

– А теперь... расскажи мне правду.

Глава вторая

1

Дождь почти закончился. Редкие капли ударяли по мокрому асфальту. Люди Майкла скучали у роллс-ройса.

Эдам снял куртку, развернул стул спинкой вперёд и уселся рядом с кроватью деда.

– Правду? – старик нахмурился.

– Именно.

– В каком смысле? – Майкл недобро посмотрел на внука.

Эдам достал пузырёк с лекарством, вытряхнул из него на ладонь последнюю таблетку и закинул в рот.

– Тебе девяносто девять лет, ты ещё вчера спал с восемнадцатилетними моделями, работал по двенадцать часов в день и был словно сгусток энергии. Но вот у тебя крадут твой камень, и ты оказываешься в госпитале. Слабый, больной. И даже дышишь с трудом. Так?

Майкл раздражённо фыркнул. Эдам продолжил.

– Ты выписываешь чек на миллион фунтов мне – внуку, которого ненавидишь и который... тоже не в восторге от тебя, скажем так. Помимо этого ты готов заставить всю свою компанию работать, лишь бы я нашёл этот камень, – он сделал паузу. – Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что без него ты умрёшь.

Майкл перевёл на него холодный взгляд.

– И похоже, очень скоро. Я хочу знать, что это за камень.

В палате повисла тишина. Как бы Майклу ни хотелось избежать этой темы, ему пришлось отвечать.

– Хорошо, – проговорил он после долгого раздумья. – Я попытаюсь. Насколько смогу.

Он собрался с мыслями и начал свой рассказ.

– Это действительно наша семейная реликвия. Всё, что я сказал тебе, – правда. Мой отец бежал из России после революции. С собой он взял только жену и эту вещь. Когда они приехали сюда, ему был двадцать один год, маме – девятнадцать. Александр и Александра...

На Майкла нахлынули воспоминания. Он живо представил, как его родители, ещё совсем юные, летом 1920 года спускаются с трапа корабля, прибывшего в Лондон из континентальной Европы. Александр Воронов, с небольшим чемоданом, перехваченным обычным брючным ремнём, идёт впереди, его юная жена Александра, с чемоданом поменьше, семенит следом. Ворот белой рубашки молодого эмигранта расстёгнут, и в вырезе виден аметист, висящий на тонком кожаном ремешке...

Майкл вздохнул.

– Это всё, что осталось от его семьи. Страна была охвачена гражданской войной. Они выбрались живыми, и это самое главное, – он расправил складки одеяла дрожащей рукой. – Я всегда считал, что камень просто приносит удачу.

Я был слишком молод и неблагоразумен. Вся эта история семьи, эти русские корни казались мне несущественными. И без этого дел хватало. Я хотел стать британцем, и я им стал. Даже сменил русскую фамилию Воронов на Шерл.

– Воронов?

– Да. Это наша настоящая фамилия. И я не Майкл, а Михаил. Михаил Александрович Воронов, – проговорил он по-русски.

Впервые за всю ночь Эдам улыбнулся.

– Воронов. Да, я и забыл.

– Я говорил тебе в детстве, – кивнул дед. – Шерлами русские называют чёрные турмалины. Мне нравилось слово.

– Занятно, – Эдам внимательно слушал.

– Камень достался мне, когда я в двадцать лет уходил на фронт.

Майкл хорошо помнил, как стоял перед родителями в 1940 году в британской военной форме. На прощание отец надел на него медальон с кристаллом, а он улыбался и даже не догадывался, как важен этот подарок.

– Мои родители боялись, что меня убьют, – Майкл говорил негромко, голос его стал заметно мягче.

Эдам ходил по палате, заложив руки за спину, и ловил каждое слово деда.

– Я был ранен. Мне прострелили правое лёгкое. Вот здесь, – Майкл показал на правую сторону груди. – Даже шрама не осталось, – он облизал сухие губы. – Ещё была ав-

токатастрофа в сорок седьмом. Все погибли, а я выжил.

Эдам покачал головой.

– Я не верю в камни с магическими свойствами. Что это за минерал?

– Я не знаю, – честно ответил старик.

Эдам нахмурился.

– То есть? Ты всю жизнь работаешь с драгоценными камнями, как ты можешь не знать?

– Вот так.

– Я не понимаю, как так может быть. Ты изучал его? Пытался определить химическую формулу?

– Мы не смогли. Хочешь верь, хочешь нет. К тому же мне не хотелось лишний раз его кому-либо показывать.

– Если бы я тебя не знал, я бы поверил.

– Твоё дело. Говорю как есть.

Эдам остановился.

– И ты не попытался отыскать месторождение? Где бы их были тысячи?

– Пытался. Не нашёл.

Эдам на секунду задумался.

– Камень нашли в России?

– В Уральских горах. Говорят, раньше драгоценные камни там лежали прямо под ногами. Изумруды, рубины...

– Твои родители оттуда, правильно?

– Да. Из Екатеринбурга.

– Точно, – припомнил Эдам. – Ты говорил. Город святой

Екатерины. Так, кажется?

– Ну хоть что-то ты слушал.

– И там ты искал тоже?

– В первую очередь. До девяностых годов город, да и весь регион, был закрыт для иностранцев, но начиная с 1994 года я планомерно искал. Потом сдался.

– А в других местах?

– Постольку-поскольку. Это всё-таки особое место.

– Особое? Почему?

– Это очень древняя земля. Граница между Европой и Азией. Колыбель народов в каком-то смысле. Оттуда пришли гунны, венгры, скифы... Арии, как полагают некоторые. Никто не знает, сколько там цивилизаций было до нас. Как раз в районе Екатеринбургa горы ниже, поэтому племена и народы проходили через те места из Сибири в Европу много раз.

– Перекрёсток дорог.

– Именно. На протяжении тысяч лет.

– Ты думаешь, твой камень – это какой-то древний артефакт?

Майкл вздохнул.

– Может быть.

– Как он достался нашим предкам?

– Мой дед получил его от какого-то монаха-отшельника.

В самом начале двадцатого века. В 1900 году, если не ошибаюсь. Что-то такое мне говорил отец. Но это по одной вер-

сии. По другой – дед получил его от своего отца. Твоего прапрадеда. Но тот тоже принял его в дар от монаха. Я не могу сказать точно. Видишь ли, когда я был молод, меня всё это не интересовало. Я больше думал, как заработать денег, занять достойное место в обществе. Потом, когда я строил компанию, мои корни мне очень пригодились, но к тому времени отец уже был несколько не в себе. И разобраться, что правда, а что нет в его словах, было непросто.

– Монах? – повторил Эдам в задумчивости. – Почему именно он подарил твоему отцу камень? Разве монахи занимались добычей драгоценных камней?

– Я не знаю. Думаю, нет.

– Тогда не кажется ли тебе такой подарок странным?

– Разве это важно? – в голосе Майкла послышались нотки любопытства.

– Уверен, что да.

Майкл пожал плечами.

– Вопросов больше, чем ответов. Отца сейчас уже не спросишь, – он посмотрел в окно. – Я ушёл на фронт. Однажды, во время немецкого налёта, бомба попала в наш дом. Отец был в лавке. Вернулся только за полночь. К развалинам. Моя мать погибла. Отец так любил её... Можно сказать, что в ту ночь он тронулся умом. К старости стало ещё хуже. Сидел у себя в комнате и мастерил разные брошки, подвески, кольца. Никуда не выходил и практически ни с кем не разговаривал.

Эдам прислонился спиной к стене, сложив руки на груди, и попытался мысленно разложить информацию по полочкам.

– Когда он умер?

– Кто? Мой отец? В 1975-м. За два года до твоего отца.

– И за год до моего рождения.

– Да.

Эдам вдруг резко зажмурился. Боль, ни разу не напомнившая о себе за всё время разговора, вернулась и сжала голову, словно тисками. А он уж подумал, что она не побеспокоит его до завтрашнего дня. Он с силой помассировал виски и постарался не потерять нить загадочной семейной истории.

– Значит, этот камень был найден в России. В начале двадцатого века. Ну или нашли его раньше, а семье он достался в 1900 году.

– Да.

– Минерал редкий, даже исключительный. Его формулу невозможно вывести. Вполне вероятно, из-за того, что он обладает специфическими свойствами. Верно?

– Можно и так сказать, – кивнул Майкл.

– Так что это за свойства? – Эдам испытующе посмотрел на деда.

Майкл холодно глянул в ответ.

– Просто найди мне камень.

Головная боль усилилась.

– Хорошо. Кто ещё мог знать о его свойствах?

– Никто.

– Но ведь кто-то узнал.

Майкл фыркнул.

– Это я тебя и прошу выяснить. И вернуть мне его.

– Хорошо. Как он выглядел? У тебя есть фото?

– Нет. Я уже тебе сказал, что старался никому его не показывать. И сам не доставал. Он всё время был в футляре.

– В футляре?

Казалось, Майклу совершенно не нравились вопросы Эдама.

– Да. В футляре из аметиста, – проговорил он сквозь зубы. – Я носил его на шее.

– Я не совсем понимаю, – нахмурился Эдам.

– Что тут непонятного? – посуровел Майкл. – Аметист – камень дешёвый. Никто бы не догадался, что в нём что-то есть. Ты видел эту подвеску у меня на шее тысячу раз.

– Я просто пытаюсь представить картину, – успокоил его Эдам. – То есть футляр – это, по сути, полый кусок аметиста на шнурке, а внутри него ещё один кристалл, тот самый. Так?

– Да.

Эдам сел на краешек стула, размышляя.

– Хорошо, фото самого камня нет. Ну так опиши его.

– Чёрного цвета, полупрозрачный. При изменении освещения может быть и зелёным, и тёмно-синим.

– Любопытно. Обработанный?

– Нет. Да... Частично.

Эдам покачал головой.

– Ты единственный или почти единственный человек, кто его видел. Ты не хочешь рассказать о нём больше? Всё, что я спрашиваю, важно.

– Когда ты найдёшь его, ты сразу поймёшь.

– Ты сможешь хотя бы нарисовать его?

– Продолговатый кристалл чёрного цвета. Что там рисовать?

– Размер? Мне хоть что-то надо о нём знать. Или нет?

– Если ты не заметил, я сейчас не в том состоянии, чтобы заниматься рисованием, – недовольно отозвался дед.

– Я просто чувствую, что ты не хочешь мне помогать.

– Чёрт тебя побери! Спрашивай всё что хочешь. Но какие-то вещи я сейчас просто не в состоянии делать, – он чуть не задохнулся от напавшего на него кашля.

– Хорошо, хорошо, – примирительно кивнул Эдам.

Он пытался понять, о чём ещё не спросил, не упустил ли чего-то. Сделать это было сложно: головная боль усиливалась и мешала сосредоточиться.

– У тебя есть враги?

– У любого человека с деньгами, мой дорогой внук, есть враги. А денег у меня много.

– Но ведь кого-то ты подозреваешь...

Майкл не успел ответить – в палату вошёл безмолвный мужчина из роллс-ройса.

– Это Вэнс Тенли, – представил его Майкл. – Глава моей

службы безопасности. Он будет помогать тебе.

Тенли протянул Эдаму фотографию. Обворожительная девушка азиатской внешности улыбалась на ней отработанной модельной улыбкой.

– Кристи Ли, – прогудел начальник охраны. – Имя вряд ли настоящее.

– Через неё, возможно, найдёшь и заказчика, – добавил Майкл.

– В агентстве, которое компания нанимала для показа, сказали, что в страну она приехала месяц назад. Из Гонконга, – проговорил Тенли.

– Профессионалка? – спросил Эдам, разглядывая фото. Вэнс кивнул.

– Умудрилась устроиться в модельное агентство, не предоставив никаких бумаг.

Эдам оторвался от фото и бросил на деда короткий взгляд. Тот поджал губы и посмотрел в сторону.

Вэнс продолжил:

– Все переговоры с агентством вела вживую. Даже номер телефона им не оставила. Мы, конечно, его узнали. Завтра получим распечатку разговоров.

– О! А разве это не...

– Незаконно? – Майкл усмехнулся. – Мы большие мальчики, Эдам. Если мы чего-то хотим, мы это получаем.

Эдам повернулся к Тенли.

– Где она остановилась, вы выяснили?

– Отель «Магнолия» в Брикстоне. Когда наши люди приехали, её там уже не было. Сомнительно, что она вообще там жила.

– Персонал гостиницы опросили?

– Конечно. Ничего полезного.

– Не густо, – Эдам ещё раз глянул на фотографию и спросил Вэнса: – Я могу это взять?

Тот кивнул.

– Мы выделили тебе офис, – сказал Майкл. – Завтра в девять мистер Тенли представит тебя своим людям. Твоё дело – давать им задания, а их задача – эти задания выполнять.

В кармане Эдама пикнул телефон, оповещающая о полученном сообщении.

– Это мой номер, – предупредил Тенли.

– Дай ему ключи, – мотнул головой Майкл.

– Ключи от чего? – Эдам насторожился и посмотрел на обоих.

Вэнс протянул ему конверт.

– Можешь остановиться в квартире своего отца, – сказал Майкл. – Она всё равно много лет стоит без дела.

– Ваши вещи уже там, – добавил Вэнс.

Эдам не поверил своим ушам.

– Только не сиди на жопе, а работай! – проворчал Майкл. – У меня не так много времени. Всё!

Эдам сидел в салоне роллс-ройса погружённый в раздумья. В его голове носился торнадо из мыслей и обрывков информации. Боль притупилась, но накатила усталость, хотя тело было будто наэлектризованное. Ему стало душно. Он постучал в стекло, отделяющее его от водителя.

– Остановите, пожалуйста!

Они ехали вдоль Темзы, и Эдам решил прогуляться по набережной, чтобы немного прийти в себя.

Воздух после дождя был влажным и свежим. Стало прохладно, и он закутался в куртку. Пройдя немного, остановился на берегу, глядя на воду. Ему хотелось унять бурлящий поток в голове. Хотя бы недолго ни о чём не думать. Естественно, ему это не удалось.

Прошло несколько минут.

Он полез в нагрудный карман пиджака и достал чек. Посмотрел на цифру и пробормотал:

– Зачем я понадобился тебе?

Пока ответа на этот вопрос не было. Эдам нахмурился, убрал чек обратно и пошёл назад, к ожидающему у дороги лимузину.

Поднявшись на лифте на четвёртый этаж здания, в котором располагалась квартира отца, он в нерешительности остановился перед входной дверью. Сердце часто билось. Он не ожидал от себя такой реакции. Дэвид покончил с собой,

когда Эдам был ещё младенцем, но он чувствовал незримую связь с ним. Осознав, что ему предстоит остановиться там, где его родители провели год после свадьбы, Эдам ощутил, как всё внутри него всколыхнулось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.